ПРОКЛЯТЫЕ
ЗОЛОТЫЕ ДОКРНОЪ
18+

Ани Вебр

Проклятье золотых драконов

«Автор»
2026

Вебр А.

Проклятье золотых драконов / А. Вебр — «Автор», 2026

Родители погибли. Единственный близкий человек предал. Что делать если у тебя ничего не осталось? Пытаться выжить, даже в другом мире. И разгадать тайну своего рождения.- Вот я и нашел тебя. – прорычал он.Мия напугалась. Стала судорожно перебирать в голове, чем могла выдать себя. Старалась придумать оправдания. Он не сводил с нее взора. Изучал. Девушка затаила дыхание, ждала продолжение разговора, держа себя в руках из последних сил, стараясь не утратить самообладание. Но принц продолжал молчать.

© Вебр А., 2026
© Автор, 2026

Проклятье золотых драконов

ПРОЛОГ

В небольшой, но уютной детской комнате царил полумрак — его мягко рассеивал приглушённый свет ночника в виде серебряной луны, отбрасывавший на стены тонкие золотистые блики. Тени сплетались в причудливые узоры, будто сами стены хранили тысячи невысказанных историй. На кроватке под тёплым одеяльцем лежала девочка — её ресницы едва заметно подрагивали во сне, а губы то и дело складывались в лёгкую улыбку, словно она продолжала видеть свой сказочный мир даже с закрытыми глазами.

На стуле у кровати сидела молодая девушка и рассказывала малышке сказку на ночь. Её голос лился тихо, ровно, убаюкивающе, как далёкий ручей, что шепчет что-то своё, вечное, среди камней и корней. В этом голосе звучала не просто история — в нём была надежда, тревога и какая-то глубокая, почти отчаянная вера в то, что слова смогут стать щитом.

— В золотом королевстве жил король. Он был золотым драконом, и звали его Льюис Дон. Король был злой и любил подчинять себе людей, — шептала она, и в этих словах слышался отзвук чего-то древнего, тяжёлого, будто само имя «Льюис Дон» звенело, как натянутая струна. — В этом же королевстве жила прекрасная маркиза Юлиана. Король решил жениться на ней. Только девушка не хотела выходить за него замуж. Юлиана любила другого. Тогда король разозлился и запер девушку в башне. Начал уговаривать, но маркиза была непреклонна. Тогда злой дракон стал угрожать девушке и морить голодом, надеясь таким образом уговорить. Почти год девушка просидела в заточении, не видя белого света. Ей на помощь пришёл принц из соседнего королевства — Серж де Виль. Серж и Юлиана давно любили друг друга. Он пробрался в замок короля Льюиса и вызволил прекрасную маркизу.

Девушка на секунду замолчала, будто прислушиваясь к тишине, которая стала гуще, насыщеннее, словно сама комната затаила дыхание.

— Убегая из замка, Юлиана украла семейную реликвию семьи Дон. Хотела тем самым ослабить его магию. Сила семьи заключалась в реликвии. Забрав её, Юлиана лишила Льюиса возможности обращаться в дракона. Пока семейная реликвия не вернётся в замок, все члены королевской семьи не смогут обращаться в драконов. Девушка хотела выкроить больше времени для побега. Без сил Льюис не сможет быстро догнать беглецов. Серж и Юлиана сбежали в другой мир. Там, среди чужих людей, они нашли своё тихое счастье. Поженились, и у них родилась красивая дочь. И жили они долго и счастливо.

Женщина склонилась к девочке и поцеловала её в щёчку — лёгкое, почти невесомое прикосновение, в котором было столько любви, что, казалось, оно могло согреть даже в самый лютый мороз.

— А теперь давай спать, милая, — прошептала она и встала, направляясь к двери. Её шаги были тихими, осторожными, чтобы не потревожить хрупкий мир сна. — Сладких тебе снов, дорогая, — сказала женщина и плотно прикрыла за собой дверь, оставив за ней мягкий свет и тишину, наполненную покоем.

— Спокойной ночи, мамочка, — шепнула вслед девочка, и её голос прозвучал так тихо, что он почти растворился в воздухе, став частью ночи.

В гостиной, где тёплый свет лампы ложился на деревянные поверхности, создавая уютные островки света среди теней, тихо возмущался мужчина. Его голос был не злым — скорее, встревоженным, будто он пытался отогнать надвигающуюся бурю одними только словами.

— Зачем ты рассказываешь ей эту сказку? Ей всего четыре года! — проговорил он, и в его интонации слышалась не просто усталость, а страх — тот самый, который прячется за резкими словами, потому что иначе он просто разорвёт грудь.

— Хочу, чтоб она запомнила её, — безмятежно ответила девушка, но в этой безмятежности чувствовалась твёрдость, как в спокойствии человека, который знает, что впереди буря, и готовится к ней.

— Зачем? — искренне не понимал он, будто пытался найти хоть одну причину, которая могла бы развеять его тревогу.

— Вдруг наступит такой день, когда ей пригодятся эти знания. Хочу, чтоб она сделала правильный выбор, — произнесла она, и в её словах прозвучала не фантазия, а предчувствие, тяжёлое и неизбежное, как приближение грозы.

— Не наступит! — начал заводиться мужчина, и голос его стал твёрже, резче, будто он хотел силой своей уверенности построить стену между их семьёй и тем, о чём она говорила. — Никогда не наступит! Мы не вернёмся туда никогда! И наша дочь никогда не будет частью того мира! Я этого не допущу!

Он произнёс это как клятву, как заклинание, которое должно было защитить их всех. И в этот момент в его голосе не было сомнений — только решимость человека, готового стоять на страже счастья своей семьи до последнего вздоха.

ГЛАВА 1

Эта история началась до банального просто — так, как начинаются тысячи других, незаметных, спрятанных за серыми фасадами домов и будничными новостями. Жила девушка Мия Вильмова. Когда ей было шесть лет, родители погибли в автокатастрофе — в тот день мир для неё раскололся надвое: на «до» и «после». В «до» были тёплые руки мамы, запах выпечки по утрам, папа, который поднимал её высоко над головой, и небо, казавшееся бескрайним. В «после» осталась только тишина, густая и холодная, как туман над пустым полем.

Девочка попала в детский дом, так как других родственников у малышки не было. Это место встретило её не тишиной, а шумом — резким, чужим, будто каждый звук здесь был специально сделан чуть громче, чтобы оглушить, чтобы не дать услышать собственные мысли. Там, в этих стенах, маленькая добрая девочка познала все тяготы и реалии жизни. Узнала, что в мире есть не только доброта и любовь, но и жестокость, злоба и зависть — они прятались в насмешливых взглядах, в холодных словах, в ударах, которые наносились исподтишка, когда никто не видел.

Шли годы, и Мия научилась противостоять злобе и давать отпор. Можно сказать, прошла ускоренную программу жизни — не по учебникам, а по ссадинам, синякам и горьким урокам, которые врезались в память глубже любых слов. Ей обстригали волосы — не ножницами, а грубо, в шутку, оставляя неровные клочья, будто хотели стереть её индивидуальность. Отбирали единственную игрушку, оставшуюся от прошлой жизни, — плюшевого зайца с потёртым ухом, которого она прижимала к себе по ночам, шепча ему свои секреты. В старшем возрасте стали устраивать «тёмную»: в темноте спальни несколько девочек набрасывались на неё, толкали, пинали, шептали злые слова, от которых становилось холоднее, чем от сквозняка из разбитого окна.

К пятнадцати годам Мия так устала от постоянных нападок сверстников, что в ней что-то надломилось и одновременно закалилось, как сталь в огне. И вот при очередном нападении она попыталась дать отпор. Не обращая внимания на толпу нападающих, она выбрала себе жертву — одну-единственную девочку, которая всегда была в центре этой стаи, самая язвительная, самая безжалостная. Методично нанося удары, Мия не замечала тех, кто продолжал бить её саму, — её взгляд был прикован только к этой цели, к этому воплощению всей той боли, что копилась годами.

Когда всё это увидели и вмешались воспитатели, в комнате повисла тяжёлая, звенящая тишина. Тело Мии было всё в синяках и кровоподтёках — они проступали сквозь тонкую

ткань пижамы, как тёмные чернила на промокашке. А вот девочке, которую била Мия, повезло меньше: она вложила в эти удары всю злость и обиду за все годы унижений, и в итоге разбила той нос и сломала руку. Все выкрутили так, будто Мия напала первой, а остальные пытались её остановить. Так она попала в изолятор в качестве наказания. Но систематические избиения прекратились — будто сама жестокость на время затаила дыхание, испугавшись той силы, что вдруг вспыхнула в тихой девочке.

После выхода из изолятора её не трогали больше месяца. Потеряв бдительность, Мия тут же поплатилась. В этот раз она попала в больницу, но не одна. Как и в прошлый раз, она избила девочку, но уже другую — ту, что смеялась громче всех, когда Мию толкали в коридоре. С того момента это стало почти традицией: Мия попадала то в изолятор, то в больницу, но всегда не одна. Со временем в изолятор она стала попадать чаще, чем в больницу, — будто сама система пыталась изолировать не столько её, сколько ту ярость, что жила внутри неё и не желала угасать.

За год до совершеннолетия Мии в стенах детского дома появилась Анна Васильева. Женщина утверждала, что является близкой подругой Юлии Вильмовой — матери Мии. Она стояла в кабинете директора, и слёзы катились по её щекам, оставляя светлые дорожки на бледной коже. Анна корила себя, что не могла раньше забрать Мию, рассказывала, как уезжала за границу на пять лет, а по возвращении узнала о трагедии. Два года она искала Мию, обходя архивы, расспрашивая людей, вглядываясь в каждое детское лицо на фотографиях. Четыре года обивала пороги различных учреждений, чтобы добиться опеки над девочкой, доказывая, что она не случайный человек, не просто добрая душа, а тот, кто имеет право быть рядом. И вот наконец она могла забрать девочку к себе.

Пара дней ушла на подписание последних документов — бумаги шуршали, как сухие листья под ногами, и каждый подписанный лист был маленьким шагом к свободе. И Мия уехала с Анной. Стоя на пороге квартиры женщины, она чувствовала облегчение и одновременно тревогу — странное, колючее чувство, которое шевелилось где-то под рёбрами, не давая полностью расслабиться. Что-то крутилось в голове, но никак не формировалось в чёткую мысль — будто её сознание цеплялось за старые привычки, за ожидание подвоха, за уверенность, что счастье не может быть таким простым.

Дорога заняла немного времени, ведь детский дом находился на окраине города, где жила семья Вильмовых. Анна жила через пару улиц от родного дома Мии — будто судьба нарочно оставила эту тонкую ниточку, связывающую прошлое и настоящее. Квартира Анны была небольшой, но уютной: в ней пахло корицей и свежим хлебом, на подоконнике стояли горшки с фиалками, а на стене висела старая фотография, где молодая женщина смеялась, обнимая кого-то, кого Мия не знала. Женщина жила одна. К своим почти сорока годам она так и не обзавелась мужем и детьми, но в её одиночестве не было пустоты — скорее, это было пространство, готовое наполниться жизнью, теплом и заботой, которой так не хватало одной маленькой девочке, потерявшей всё.

***

Пара недель прошла в тихой, почти семейной обстановке — в той особенной тишине, которая бывает, когда два человека осторожно привыкают друг к другу, словно ступают по хрупкому льду, боясь его сломать. Они много общались и узнавали друг друга: голоса постепенно становились мягче, паузы между фразами — не напряжёнными, а уютными. Женщина рассказывала о родителях девочки, о дружбе и общих праздничных посиделках, и в её рассказах прошлое оживало: Мия словно видела маму в лёгком платье, смеющуюся над какой-то шуткой, папу, который нарочно делал вид, что не может справиться с крышкой банки, чтобы дать дочери почувствовать себя взрослой. Со временем разговоры стали плавно перетекать в вопросы о будущем: чем Мия хочет заниматься, на кого учиться, как жить.

Девушка поделилась, что мечтает стать врачом или хотя бы фармацевтом — в этом желании было что-то упрямое, почти отчаянное: будто, спасая чужие жизни, она сможет хоть немного вернуть себе ту безопасность, которую потеряла в шесть лет. Началась подготовка к институту. Мия зубрила книги всё лето, и дни сливались в бесконечную череду формул, терминов и схем. Страницы учебников истончались от прикосновений её пальцев, а воздух в комнате, казалось, густел от напряжения. Она сдала экзамены, но на бюджет по баллам не прошла. Анна сетовала на своё финансовое состояние, теребя край скатерти и глядя в окно так, будто надеялась увидеть там решение всех проблем. Она переживала, что не может исполнить мечту ребёнка, и эта беспомощность делала её старше, будто тень вины ложилась на её лицо глубокими складками.

Через пару дней Анна зашла в комнату Мии для разговора. В воздухе витало что-то тяжёлое, невидимое, но ощутимое, как перед грозой, когда даже птицы замолкают.

— Я тут подумала… — женщина присела в кресло, не решаясь продолжить, и её пальцы нервно теребили пуговицу на блузке. — Давай продадим дом твоих родителей и оплатим твоё обучение?

— Но как же?.. — растерялась Мия, и слова застряли у неё в горле, как колючки. — Это же мой дом. Куда я потом пойду? Да и память о родителях… Стены дома хранят воспоминания о наших счастливых днях. — В её глазах застыли слёзы, прозрачные и тяжёлые, как капли росы перед рассветом.

— Ну что ты, милая? Не плачь. — Анна прижала к себе девушку, и в этом объятии было столько тепла, что на мгновение показалось: всё будет хорошо. — Воспоминания хранятся в нашем сердце. А жить будешь со мной. Я одинока. Да и ты мне как дочь. Зато сможешь выучиться и найти хорошую работу. А когда найдёшь мужа, к нему и переедешь. Но всегда знай и помни, что двери моего дома для тебя всегда открыты. Если что-то пойдёт не так, ты всегда сможешь вернуться.

Они проговорили весь вечер, плакали и вспоминали прошлое, и слёзы смешивались со смехом, а смех — со вздохами. Истории кружились вокруг них, как листья в осеннем вихре, возвращая на мгновение то, что казалось навсегда потерянным. В конечном итоге Мия согласилась на предложение Анны, и в этом согласии было не столько облегчение, сколько тихая покорность судьбе, которая, казалось, всё равно сделает по-своему.

Дни полетели быстро и были похожи один на другой, как капли дождя, падающие в один и тот же пруд. Мия впитывала знания, как губка — жадно, отчаянно, будто боялась, что если остановится, то всё исчезнет. Вечерами она просиживала за учебниками, и свет лампы выхватывал из темноты только её сосредоточенное лицо и страницы, исчерканные пометками. Друзей так и не завела: детский дом и дети из него прочно сидели в памяти, как занозы, которые ноют при каждом резком движении. Поэтому Мия с осторожностью относилась к людям и близко к себе никого не подпускала. Её улыбка была редкой, как первый подснежник, и оттого казалась особенно хрупкой.

Были и парни, которые пытались ухаживать: ведь девушка выросла достаточно симпатичной. Нежное личико, небольшой курносый носик, ровный контур губ, нижняя чуть больше верхней — в этой асимметрии было что-то живое, настоящее. Яркие голубые глаза, похожие на бездонное море в ясную погоду, могли бы манить, если бы не смотрели на мир с такой настороженностью. И в довершение — тёмно-каштановые волосы, волнистые от природы, мягкими волнами спускавшиеся на плечи, будто сами хотели обнять её, защитить от чужих взглядов. Девушка быстро и доходчиво объясняла, что они пришли не по адресу, и делала это так спокойно, что даже самые настойчивые в конце концов опускали руки. Спустя время её оставили в покое, и тишина вокруг неё стала не пустотой, а крепостью.

В голове девушки была лишь учёба. Первое полугодие Мия закончила с отличием, и когда преподаватель ставил ей оценку, в его голосе звучало не просто одобрение, а удивление

— будто он не ожидал, что за этой тихой внешностью скрывается такая стальная воля. До конца второго остался месяц. В конце апреля девушке исполнилось восемнадцать, и этот день прошёл почти незаметно: чашка чая, пара поздравлений, тихий вечер. А уже в первых числах мая Анна завела разговор, и в её голосе не было прежней мягкости — скорее, какая-то сухая решимость, будто она сама боялась отступить.

— Мия, ты уже совершеннолетняя, пора подумать о будущем, — начала издалека, глядя куда-то в сторону, будто искала поддержки у стен.

— Я и так думаю. Сессию сдала на отлично. Через месяц закрою и вторую не хуже, — гордо парировала Мия, и в этой гордости было столько юношеского упрямства, что она сама почти поверила в свою неуязвимость.

— Я не об этом, — отмахнулась Анна, и её жест был резким, почти раздражённым. — Тебе пора начинать жить отдельно и начинать зарабатывать деньги.

— Когда я буду работать, я же учусь? — поразилась девушка, и мир вокруг неё будто на секунду замер, а потом начал медленно рушиться, как карточный домик от лёгкого дуновения ветра.

— По вечерам. Надо учиться самостоятельности и зарабатывать самой на все свои запросы. Да и на учёбу тоже.

— Но как же? Мы же дом для этого продали, — шок не успевал проходить, как появлялся новый, с каждым произнесённым словом Анны, и внутри у Мии всё сжималось, как оголённый нерв.

— Милая моя, ты словно с луны свалилась. Жизнь нынче дорогая. Деньги кончились, — в её улыбке было что-то ядовитое, ехидное, словно она наконец-то сняла маску заботливой тёти.

— Дом стоил прилично. Вы проплатили год и купили мне сарафан и брюки с блузкой. А куда ушли остальные деньги? — возмущение росло, и в нём было не просто негодование, а горькое осознание того, что её, возможно, обманывали всё это время. Мия понимала, что её хотят оставить без гроша в кармане, на улице.

— А еда? А коммунальные услуги? — перечисляла Анна, и каждое слово звучало как оправдание, которое не могло оправдать ничего.

— Вы тоже ели и услугами пользовались, но даже это не могло за год стоить шесть миллионов. Если вычесть оплату за институт, — голос Мии дрожал, но она старалась говорить твёрдо, цепляясь за логику, как за спасательный круг.

— Знаешь, что, девочка?! — тётка упёрла руки в бока и нахохлилась, и в этот момент она показалась Мие чужой, совершенно незнакомой женщиной, в чьём доме она просто случайно оказалась. — Хотела дать тебе неделю, но раз ты такая умная, то сама разберёшься, как дальше жить. Собирай вещи, и чтоб через час тебя тут не было.

Дверь захлопнулась с глухим стуком, и этот звук отозвался в груди Мии тяжёлым эхом. В комнате повисла тишина — не уютная, как раньше, а пустая, злая, будто сама квартира теперь хотела, чтобы девушка ушла. Мия стояла посреди комнаты, сжимая в руках старую тетрадь с конспектами, и чувствовала, как земля уходит из-под ног, а впереди — только неизвестность, тёмная и холодная, как зимняя ночь.

ГЛАВА 2

Мия стала собирать свои немногочисленные вещи — и чем меньше их оказывалось, тем яснее становилось, как скудно прошла её жизнь. Достала с шкафа потрёпанный временем чемодан, обтянутый тёмной тканью, местами протёршейся до каркаса. Закинула в него демисезонную куртку и ботинки, и они легли на дно чемодана тяжело, безвольно, словно сами не верили, что всё зашло так далеко. Кинула джинсы и пару футболок, аккуратно сложенные, но от этого

не ставшие менее одинокими. Юбку с блузкой — последний символ несбывшейся надежды на то, что она сможет продолжить обучение. Одела лёгкий сарафан голубого цвета, длиной до колен, и балетки, и в этом простом наряде было что-то трогательно беззащитное, словно она шла не в неизвестность, а на последний школьный звонок.

Оглядела комнату, и взгляд её задержался на каждой мелочи: на тусклом абажуре, на шторе, колыхавшейся от сквозняка, на подоконнике, где ещё вчера лежал раскрытый учебник. Потом бережно, как что-то бесконечно ценное, положила поверх вещей книги — тяжёлые, исписанные её почерком, с закладками из конфетных фантиков и цветных стикеров. Застегнула молнию на чемодане — она пошла с трудом, будто и та сопротивлялась, не хотела пропускать внутрь всю эту бедность. Подняла ручку, и та легла в ладонь холодно и привычно, как единственный оставшийся друг. В сумочку сложила документы и мелкие женские штучки, перекинула ремешок через плечо. Взяла ручку чемодана и пошла на выход, и каждый шаг по коридору отзывался в тишине квартиры гулким эхом, будто сам дом провожал её безразличным молчанием.

На улице Мия погрузилась в свои мысли, и они накрыли её, как тяжёлое одеяло, — тёмные, спутанные, без единого просвета. Солнце клонилось к закату, и небо над городом наливалось густым янтарём, переходя в багровый, а потом — в сиреневый, будто кто-то медленно гасил лампу, не желая расставаться с теплом. Мия бесцельно бродила по улицам, не зная, куда податься, и город вокруг жил своей обычной жизнью: спешили прохожие, проносились машины, кто-то смеялся в открытую дверь кафе, кто-то ругался на автобусной остановке, — и весь этот шум обтекал её, не задевая, будто она стала невидимой, прозрачной, словно тень.

Очнулась от раздумий, когда ноги сами принесли её к родительскому дому, — и от этого совпадения по спине пробежал холодок, будто что-то древнее и непознанное вело её сюда, минуя разум, минуя волю.

Подняла взгляд. Жадно впитывая и запоминая родные сердцу виды, каждое дерево, каждый изгиб дорожки, каждый камень, словно хотела унести этот образ с собой, спрятать за рёбрами, туда, где он уже никогда не сможет исчезнуть. Кованые ворота из чёрного металла дугой были обрамлены затейливыми завитками, и в этих узорах было что-то одновременно величественное и печальное, как последняя страница любимой книги. От дома виднелась только красная черепичная крыша, и она казалась Мии единственным живым пятном в этом закатном пейзаже, единственным, что ещё хранило тепло ушедшего солнца. По краям от ворот стояли массивные столбы, выложенные из кирпича, профессионально состаренные, выглядевшие как у старинных замков, — будто кто-то хотел, чтобы этот дом пережил века, чтобы в нём жили и любили, растили детей и встречали старость.

— Как же так, мамочка? — шептала Мия, и голос её дрожал, как дрожит пламя свечи на ветру. — Как так? Твоя подруга лишила меня дома и будущего. Я же чувствовала. Я не хотела продавать дом. Но Анна была так убедительна. Она так расписала моё будущее, что я поверила ей. Хотя годы, проведённые в детском доме, научили меня никому не верить. Но так хотелось довериться. Почувствовать поддержку. — Глаза стали застилать слёзы, и мир перед ней поплыл, расплылся, будто отражение в воде, в которую бросили камень. — Я так устала быть одна.

Мия села на дорожку, облокотилась спиной на чемодан и гипнотизировала взглядом ворота. Продолжая тихо плакать, она не вытирала слёз — пусть текут, пусть вымоют всё, что накопилось за годы, всё, что некому было рассказать, всё, что она держала в себе, как воду в стиснутых кулаках. Выплёскивала скопившиеся эмоции, и с каждой слезой становилось чуть легче, будто грудь освобождалась от чего-то тяжёлого, давящего, что мешало дышать.

— Я не знаю, что мне делать, — вновь продолжила тихий диалог сама с собой, и в этом разговоре не было безумия, была только бесконечная усталость человека, загнанного в угол. — Денег нет, жилья тоже. Не знаю, куда податься и с чего начать… Что это?!

Девушка удивлённо смотрела на странные завитки на железном полотне ворот. Это казалось странным, невозможным, но в голове эти чудные узоры складывались в слова, будто кто-то невидимый вёл пальцем по металлу, выводя послание, которое ждало её все эти годы. Хотя Мия понимала, что это не буквы алфавита, — скорее, словно иностранный язык, который ей был известен, забытый, но живущий где-то глубоко, в той части памяти, что не подчиняется ни разуму, ни времени.

«Справа, пятый ряд сверху.»

Мия поднялась на ноги, и в этом движении было что-то новое — не отчаяние, а любопытство, искра, вспыхнувшая в темноте. Подошла к правой колонне из кирпича и, прищурившись, отсчитала пятый ряд.

— Что это может значить? — стала рассматривать потёртые кирпичики, и пальцы её слегка дрожали, но уже не от холода, а от предчувствия чего-то необъяснимого. — Что я должна найти?

Провела рукой по кирпичам, и под ладонью один отличался — был более шероховатым, чуть выступающим, будто нарочно хотел, чтобы его заметили. Мия потыкала в него пальцем, пыталась нажать, и казалось, что это бессмысленная затея, что она придумывает чудеса там, где их нет, что усталость и отчаяние рисуют ей то, чего не может быть. Хотела уйти, но в последний момент остановилась, будто что-то удержало её, невидимая рука, легшая на плечо. Стала пробовать вытащить его, думала: если не получится, уйдёт, списав всё на бурную фантазию. Но кирпичик легко поддался, выскользнул из стены, словно ждал этого мгновения все двенадцать лет, что Мия отсутствовала.

Держа его в руках, Мия с удивлением и восхищением смотрела на него. Он напоминал коробочку без крышки, аккуратно вырезанную изнутри, и в этом тайнике было столько мастерства и любви, что у Мии перехватило дыхание. А внутри лежало украшение. Девушка достала его, и оно блеснуло в закатном свете, как маленькое солнце, спрятанное от чужих глаз. Кирпичик вставила на место, и он встал идеально, как встал бы недостающий фрагмент мозаики. Подхватила чемодан и спешно покинула дом, чтобы остаться незамеченной, и каждый её шаг был быстрым, почти беглым, будто она несла в руках не украшение, а тайну, которая могла исчезнуть, если она оглянется.

Через сорок минут быстрой ходьбы Мия вошла в небольшой лесок на окраине города. Это место напоминало о счастливых днях детства, и память тут же ожила: вот тот пенёк, на котором папа резал арбуз, вот та полянка, где мама расстилала плед, вот та ёлка, в которую Мия прятала, играя в прятки. Раньше она часто бывала здесь с родителями на пикниках: играли, ели и просто проводили весело время, и эти воспоминания были такими яркими, такими живыми, что на секунду показалось — вот сейчас из-за деревьев выйдет мама, протянет руки, скажет: «Ну что, лучик, проголодалась?» Присев на небольшой полянке, облокотилась на высокую мощную ель, и её ствол был твёрдым и надёжным, как плечо старого друга. Ночь вошла в свои права, и стало прохладно, будто лес выдохнул и температура упала вместе с последним лучом солнца. Накинула кофту, которая всё время была перекинута через сумочку, и она легла на плечи мягко, по-домашнему, как последнее напоминание о том, что у неё ещё есть что-то тёплое.

Достала украшение и стала рассматривать его, поворачивая так и сяк, ловя последние блики света, пробивавшиеся сквозь хвою. Золотая цепочка, толщиной с мизинец, тяжёлая, массивная, с крупными звеньями, каждое из которых было отполировано до мягкого матового блеска. На ней висел кулон размером со спичечный коробок, только овальной формы, тоже из золота, и на его поверхности виднелась тонкая работа — лёгкая гравировка, похожая на те же завитки, что и на воротах, будто язык этих узоров пронизывал весь дом, всё её прошлое. А в середине — кроваво-красный камень, размером с пятирублёвую монету, скорее всего рубин, и в сумерках он казался живым, пульсировал, дышал, будто в нём заключено

было что-то большее, чем просто красота. Достаточно дорогое украшение и тяжёлое, пришла к выводу Мия, хорошо рассмотрев его и почувствовав, как цепочка оттягивает шею. Поддалась порыву и надела его, и кулон лёг на грудь, и от этого прикосновения по телу прошла странная волна — не холодная и не тёплая, а нечто среднее, словно украшение нашло своё законное место, вернулось домой после долгой разлуки.

Вновь погрузилась в размышления, и мысли потекли медленно, лениво, как река в низовьях. Можно продать украшение, а на вырученные деньги снять квартиру или комнату и проплатить дальнейшее обучение. На сколько хватит? Цену девушка не знала даже приблизительно, и это незнание было почти осязаемым, как стена, о которую бьёшься в темноте. Возникал вопрос, как и кому продать: могут возникнуть ненужные вопросы, а у неё и так нет ни одного ответа. За размышлениями Мия провалилась в царство Морфея, и сон принял её бережно, как мать принимает уставшего ребёнка, —— без сновидений, без тревог, только темнота и тишина, и лес шумел над ней, как колыбельная, которую она давно забыла, но тело помнило.

ГЛАВА 3

Открыв глаза, Мия не сразу поняла, где находится. Голова после сна была тяжёлой, будто в неё насыпали мокрого песка, а тело затекло, каждое движение давалось с усилием, как если бы ночь сковала её невидимыми цепями. Поднявшись на ноги, она стала оглядываться и разминать затёкшие мышцы, и каждый хруст в суставах отзывался глухой болью. Солнце только поднималось, но в лесок почти не проникало — сквозь плотную завесу ветвей пробивались лишь редкие, дрожащие лучи. При этом воздух казался сухим и жарким, словно было далеко за полдень, будто лес впитал в себя всё дневное тепло и теперь отдавал его, обжигая кожу.

Воспоминания вчерашнего вечера накатили с новой силой, тяжёлые и острые, как осколки стекла. Порывшись в сумочке, Мия решила вернуться в город. Нашла тридцать пять рублей — жалкая горстка монет, но она цеплялась за них, как за последнюю надежду, надеясь, что хватит на небольшой перекус, на чашку чая и кусок хлеба. Хотела взять чемодан, но не обнаружила его. Покрутила головой, вглядываясь в каждый куст, будто он мог спрятаться за деревом, стать невидимым.

— Неужели ночью его украли? — произнесла она поникшим голосом, и в этом шёпоте было столько усталости, что он прозвучал как признание поражения. — Ох, — выдохнула удручённо, и этот выдох был похож на стон, который она долго сдерживала. — Ни дома, ни работы, ни денег, теперь и вещей нет. Вот теперь я официально и полностью бомж.

Сказала в сердцах, пнув со злости камень, и тот отскочил, глухо ударившись о ствол дерева. Развернулась и пошла в направлении города, и её шаги были тяжёлыми, будто она тащила за собой невидимый груз, который с каждым метром становился всё тяжелее. Спустя десять минут ей стало не по себе: Мия уже должна была выйти из леса, но впереди не было ни одного намёка на просвет — только бесконечные ряды деревьев, смыкавшихся над головой, как своды мрачного собора. Девушка остановилась и огляделась, и по спине пробежал холодок, от которого она передёрнула плечами, пытаясь сбросить внезапно накатившее чувство лёгкого страха. Сделав глубокий вдох, двинулась дальше, и каждый шаг давался всё труднее, будто земля под ногами становилась вязкой, как болото.

Спустя ещё минут десять она заметила просвет, и сердце забилось быстрее, как птица, рвущаяся из клетки. Ускорила шаг, постепенно переходя на бег, и ветер, хлеставший по лицу, казался ей предвестником свободы. Оказавшись на краю леса, Мия закрыла глаза и вдохнула полной грудью, и воздух, пахнущий пылью и травой, показался ей самым сладким в мире. В душе плескалась радость, лёгкая и трепетная, как крыло бабочки. Она подставила лицо под лучи солнца, и лёгкая улыбка играла на губах, словно она наконец-то победила невидимого

врага. Тревога стала отступать, и девушка убеждала себя, что путь казался долгим из-за нервов, а не был таким наяву.

Сделала шаг и открыла глаза. Они становились больше с каждой секундой, расширяясь от ужаса, и тревога вновь вернулась, навалившись с новой силой. Вместо родного города перед ней предстало странное озеро — вода в нём была красной, как густая кровь, и поверхность её казалась застывшей, зловещей. Повсюду валялись кости, выбеленные солнцем и временем, и от этого пейзажа веяло смертью. Слышались странные звуки — похожие на рык диких животных, и что-то между лаем и мяуканьем, от чего по коже бежали мурашки. Мии захотелось вернуться в лес, спрятаться в его привычной темноте, но она, поборов страх, осмотрелась и осторожно двинулась в сторону виднеющегося города. Близко к воде старалась не подходить, обходя озеро по широкой дуге, и каждый её шаг был осторожным, как у кошки, крадущейся мимо спящего врага. За водоёмом была небольшая скала, и звуки животных доносились именно оттуда, будто сама земля там была живой и дышала злобой.

Мия осторожно кралась мимо озера, и каждый шорох заставлял её вздрагивать. В какой-то момент она услышала за спиной тихое порыкивание, и от охватившего ужаса волосы на голове зашевелились, будто пытаясь встать дыбом. Девушка медленно обернулась и встретилась взглядом с пятью гиенами — их глаза горели жёлтым огнём, а зубы были обнажены в зловещем оскале. Не сводя с них глаз, она пятилась медленно в сторону города, и время будто растянулось, каждый миг длился вечность. Сбоку неожиданно появился парень с мечом в руках — блеск металла на мгновение ослепил её.

«С мечом?! Серьёзно?!» — пронеслось в голове, как крик в пустой комнате.

— Уходи, я их отвлеку! — крикнул он, и голос его был твёрдым, уверенным, будто он привык стоять между опасностью и теми, кто слабее.

Мия отступила за его спину, судорожно роясь руками в сумке, и одним глазом поглядывала на спасителя. Выглядел он странно: вместо пистолета — меч, одежда из «а-ля восемнадцатый век» — простая льняная белая рубашка, подпоясанная кожаным ремнём, и такие же штаны, будто он сошёл со страниц старинной книги. Наконец вытащила из сумки перцовый баллончик и зажигалку — эти маленькие предметы вдруг показались ей единственным щитом в этом безумном мире.

— Отойди! — крикнула, вставая рядом с ним, и в её голосе звучала не храбрость, а отчаяние, которое толкает на самые смелые поступки.

Направила баллончик на зверей, перед ним выставила горящую зажигалку и нажала кнопку на баллоне. Струя пламени устремилась к гиенам, и они, поджав хвосты, стали отступать, их рычание сменилось жалобным визгом. Мия сделала резкий шаг к ним, и гиены бросились прочь, растворяясь в тени скалы. Выдохнув с облегчением, она убрала всё в сумочку, и руки её дрожали, но уже не от страха, а от адреналина, бурлившего в крови.

— Что это было? — парень был удивлён, и в его глазах читалось восхищение, смешанное с недоверием.

— Просто спугнула, — пожала плечами Мия, стараясь казаться спокойной, хотя внутри всё ещё дрожало. — Все животные боятся огня.

— Может, все и боятся, но эти… — махнул рукой в сторону скал, и жест его был тяжёлым, будто он пытался стряхнуть с себя воспоминания. — Мы о них ничего не знаем и не знаем, на что они способны. Эти зуботвари пьют отравленную воду и убивают всех. Они сильные и не боятся ядов.

«Зуботвари? Ничего не знаем? Вроде обычные гиены. Странный он какой-то», — подумала Мия, но вслух произнесла другое:

— Кто тебе это сказал?

— Много лет назад королевство было проклято, — начал парень, и каждое его слово падало в тишину, как камень в тёмную воду. Девушка в удивлении вздёрнула брови при слове

«королевство». — Озеро окрасилось в красный и стало ядовитым. Двадцать голов скота отравились и пали замертво. На следующий день появились они. Скот зуботвари съели, и из озера пьют, и не дохнут. Сильный маг хотел снять проклятье, но они его убили. Магия на них не действует. Теперь никто не приходит сюда. А воду покупаем из соседнего королевства, — закончил свою речь парень, тяжело вздохнув, и в этом вздохе была вся тяжесть мира, который он знал.

Мия была шокирована рассказом, и земля под ногами будто качнулась, теряя привычную опору.

«Королевства? Маги и магия? Я вообще где?!» — мысль металась в голове, как загнанный зверь.

— Скажи… — не могла она подобрать слов, и голос её звучал чужим, далёким. — А куда я попала? Я немного заблудилась.

— По тебе видно, что ты не местная. Ты в Гриндоле, — ответил он спокойно, будто говорил о самом обычном месте, куда каждый ходит за хлебом.

— Где? Что-то не помню такого города, — прошептала она, и в горле пересохло.

— Это территория Гриндоль. У нас нет городов. Только два королевства. Ты сейчас в королевстве золотых драконов. Второе — королевство серебряных драконов, — пояснял парень, и с каждым словом Мии становилось всё хуже, будто воздух вокруг становился тяжелее. «Ещё и драконы», — пронеслось в голове, как последняя капля, переполнившая чашу. — Ты, наверное, из Кондира? Я слышал, там большие королевства, и они разбиты на города.

— Да-да, именно оттуда, — согласилась она, чтобы не выдать себя, и слова прозвучали как клятва, которую она давала самой себе. — Решила попутешествовать, мир посмотреть.

— У вас такое носят все? — он скептически осмотрел сарафан девушки, и взгляд его скользнул по её ногам, задержавшись на оголённых лодыжках.

— А что не так с моей одеждой? — осмотрела себя, будто видела себя впервые, и вроде всё было нормально.

— Ноги открыты, — на его щеках появился румянец смущения, и это неожиданное смущение на фоне мечей и проклятий показалось Мии почти трогательным.

— А, это непредвиденные обстоятельства, пришлось оторвать подол, — выпалила она первое, что пришло в голову, и сама удивилась, как легко ложь слетает с языка, когда на кону — выживание.

— Платье выглядит простым. Ты из обычной семьи. Но вот твоё украшение… Такие есть только у королей. Если его увидят, будут вопросы, — заметил он, и в его голосе не было любопытства, а скорее предостережение, тихое, но твёрдое.

Мия опустила голову и заметила кулон — она и забыла, что надела его. Он лежал на груди, тяжёлый, холодный, и в нём отражался свет, будто он хранил в себе тайну, которую не хотел отдавать.

— Это подарок мамы перед смертью. Она была на службе у нашей королевы, и та её отблагодарила за услугу, — сказала она, и история сложилась сама собой, как мозаика, где каждый кусочек идеально подходил к другому.

— Понятно. Но лучше спрятать, — предупредил парень, и в этих словах была забота, которую Мия так давно не чувствовала.

— Хорошо, — она убрала кулон в сумку и резко остановилась, будто что-то щёлкнуло в голове. — Подожди меня здесь, я кое-что оставила в лесу.

Девушка побежала в сторону леса, и её шаги были лёгкими, почти бесшумными, как у дикого зверя. Далеко углубляться не стала: увидев большой камень, присела, и пальцы её дрожали, когда она заворачивала кулон в платок. Закопала под камнем, на всякий случай, и земля приняла его тихо, без звука, будто знала, что это не просто украшение, а часть чьей-то судьбы. Вернулась к парню, и на губах её играла лёгкая улыбка, будто она только что спрятала не кулон, а ключ к чему-то важному.

— Может, познакомимся? Я Мия, — улыбнулась она, и эта улыбка была искренней, потому что в ней было облегчение — она сделала хоть что-то, чтобы защитить себя.

— Клод, — парировал он, подарив ответную улыбку, и в ней не было ни насмешки, ни жалости, только простое человеческое тепло.

— А что ты тут делал? Ты говорил, никто не ходит к озеру, — спросила она, пытаясь собрать в голове хоть какую-то картину этого странного мира.

— Иногда приходим, понаблюдать издалека, нет ли новых жертв или ещё каких-то изменений, — ответил он, почесывая затылок, и в этом жесте было столько обыденности, что на секунду Мия поверила, будто всё нормально, будто это просто ещё один день в ещё одном странном месте.

— Ясно. Мне бы работу найти и жильё. Можешь помочь? — с надеждой взглянула на парня, и в её глазах читалась не просто просьба, а крик души, который она так долго сдерживала. В голове она прокручивала новую информацию, пытаясь понять, что делать и как вернуться на родную землю. Может, это сон? Она не могла поверить до конца в происходящее, и эта неуверенность была её единственной опорой — ведь если это сон, значит, рано или поздно она проснётся.

ГЛАВА 4

Королевство было обнесено каменной стеной высотой метров пять — она тянулась вдаль, теряясь в лёгкой дымке, и казалась не просто преградой, а границей между двумя мирами: тем, где царили привычные законы, и тем, где всё было иным. Попав за ворота, Мия оглядывала всё вокруг, и её взгляд метался от одного чуда к другому, не в силах остановиться. Тут кипела бурная деятельность: торговцы зазывали покупателей, размахивая яркими тканями, дети носились между взрослыми, словно солнечные зайчики, кузнецы стучали молотами, и этот ритмичный грохот сливался с гулом голосов в единый, живой пульс города. Повсюду сновали люди — в длинных плащах, в простых рубахах, в накидках с причудливыми узорами; их движения были быстрыми, целеустремлёнными, будто каждый знал своё место в этом огромном механизме. В центре был большой рынок, и народу там не протолкнуться: воздух густел от запахов пряностей, свежеиспечённого хлеба и нагретого на солнце дерева, а над головами колыхались полотнища навесов, отбрасывая на мостовую пёстрые тени. Возникало чувство, что Мия попала на несколько веков в прошлое — или в мир, который никогда не знал будущего, о котором она мечтала.

Дойдя до замка королевства, девушка встала с раскрытым ртом, и время будто замерло, оставив её наедине с этим величием. Полукруглое крыльцо на десять ступеней поднималось плавно, словно приглашая войти, но одновременно предупреждая: здесь обитают не простые люди. По обе стороны от него высились четыре мощные колонны из обработанного камня — их поверхность была гладкой, но испещрённой тончайшей резьбой, в которой угадывались силуэты драконов, сплетавшихся в бесконечном танце. Три этажа и конусные крыши делили замок на несколько отдельных строений, соединённых между собой переходами, прозрачными, как хрустальные нити. На самом большом конусе восседал золотой дракон — он казался живым, будто в любой момент мог расправить крылья и взмыть в небо. Голова чуть опущена, крылья расправлены, когти впиваются в камень, а в глазах, отлитых из тёмного стекла, застыла древняя мудрость и холодная сила. Весь замок украшали различные завитки и узоры из золота: они вились по карнизам, оплетали окна, стекали по стенам, словно жидкий свет, пойманный и застывший в вечности.

Внутри было ещё великолепнее и величественнее, чем снаружи. Пространство дышало историей, и каждый его уголок шептал о временах, когда магия и сталь шли рука об руку. На стенах висели картины — на них были изображены сцены битв, пиров, коронаций; краски не

потускнели от времени, а, казалось, стали ярче, будто художники вложили в них не просто пигменты, а саму суть изображённых событий. На полу лежали ковры, похожие на привычные персидские, но в их орнаментах угадывались незнакомые символы, сплетавшиеся в заклинания, понятные лишь посвящённым. Большие панорамные окна обрамляли плотные шторы из бархата с ламбрекенами — ткань была тяжёлой, густой, цвета тёмного вина, и когда сквозь стекло пробивались лучи солнца, они окрашивали комнату в тёплый, почти мистический оттенок. Множество различных статуй украшали залы: одни были выполнены из мрамора и казались застывшими мгновениями, другие — из золота, и в их блеске отражался весь мир. Драконов из золота здесь было больше, чем снаружи: они сидели на постаментах, обвивали колонны, парили над арками — словно замок был не просто домом, а святилищем, посвящённым этим величественным существам. Диванчики и кресла стояли повсюду, разной формы и размеров, но все в стиле земного антиквариата: изогнутые ножки, резные спинки, обивка из потертой, но благородной ткани — в них чувствовалась не просто роскошь, а история, прожитая и сохранённая.

Их встретила женщина средних лет в тёмно-синем платье в пол. Оно было на корсете и немного пышноватым, подчёркивая статную фигуру и одновременно скрывая её в складках ткани, словно она сама была частью этого замка, его голосом и памятью. В её взгляде читалась спокойная уверенность человека, привыкшего держать всё под контролем, а в движениях — лёгкая усталость от бесконечной череды дней, наполненных заботами.

— Здравствуйте, Лукреция, — первым заговорил Клод, и его голос прозвучал твёрдо, но с оттенком уважения, будто он знал: здесь каждое слово имеет вес. — Пришёл узнать, нет ли новых поручений. Ещё хочу представить вам свою дальнюю родственницу. Мия, она прибыла из Кондира. Может, у вас найдётся место для неё? Девушка отчаянно нуждается в работе.

— Вот, — протянула Лукреция небольшой свёрток, и ткань, в которую он был завёрнут, тихо шуршала, будто шептала свои секреты. — Отнесёшь магистру. А вы, девушка, пойдёмте со мной. Для вас как раз есть место горничной. Одна девушка недавно вышла замуж, и место освободилось.

Слово «горничная» резануло слух — оно звучало как-то иначе, с непривычным акцентом, но смысл был тем же: тяжёлый труд, незаметность, жизнь на периферии чужой роскоши. Пока Лукреция рассказывала, что, где и когда нужно будет убирать, Мия вслушивалась в произношение и обалдевала всё больше. Язык был другим — не похожим на русский или английский, да и вообще на земные языки, которые она когда-либо слышала. В нём слышались мягкие переливы и резкие обрывы, словно слова были не просто звуками, а мелодиями, каждая из которых имела свой ритм и настроение. Странным было то, что девушка его понимала — не как переводчик, а как человек, который вдруг вспомнил забытый родной язык, и каждое слово отзывалось в памяти далёким эхом.

Лукреция показала комнату, где будет жить Мия. Там было шесть кроватей, расставленных вдоль стен, и вся обстановка была простой: деревянные тумбочки, грубоватые табуреты, тонкие одеяла без узоров. Весь шик остался за дверью, и комната казалась островком тишины посреди роскошного хаоса. Но девушка не расстроилась: в детском доме условия были гораздо хуже, и здесь, среди чужих вещей, она чувствовала не унижение, а облегчение — у неё снова было место, где можно опустить голову и закрыть глаза.

Лукреция выдала два сменных комплекта одежды и постельного белья. Ткань была грубой, но чистой, и в этом ощущалась забота, пусть и сдержанная, почти незаметная. Сказала, что Мия может переодеться и отдохнуть, может пройтись по замку, ознакомиться с ним. К работе приступит утром следующего дня.

Мия последовала совету. Походила по замку, и каждый коридор открывал перед ней новую тайну: то потайную дверь, замаскированную под панель, то нишу с забытой статуэткой, то окно, из которого открывался вид на далёкие горы, тонувшие в сиреневой дымке. Она

познакомилась с работниками кухни — их лица были простыми, открытыми, а руки — покрытыми шрамами и мозолями, свидетельством долгих лет труда. Её даже накормили: дали миску густого супа, ломтик хлеба и кружку травяного чая, и эта простая еда показалась ей самой вкусной в жизни, потому что в ней была человеческая теплота. К вечеру она познакомилась с соседками по комнате — они тоже были горничными, и в их взглядах читалось то же, что и в её собственном: усталость, надежда и тихое упрямство, которое не давало сломаться. Они не задавали лишних вопросов, не пытались проникнуть в душу, но их молчаливое присутствие было поддержкой — будто они говорили: «Ты не одна, мы здесь, и мы знаем, каково это — начинать с нуля».

***

Мия около недели пребывала в другом мире, и её разрывали противоречивые чувства — они сталкивались внутри, как две бурные реки, не желая сливаться в единое течение. Разум твёрдо твердил, что всё это сон, нелепый, яркий, но всё же сон: такого не может произойти в реальной жизни, законы физики, истории, самой природы восставали против этой реальности. А сердце отчаянно хотело поверить в происходящее, тянулось к нему, как цветок к солнцу. Всё казалось родным, привычным, будто она не попала в чужой мир, а вернулась домой, в место, о котором помнила смутно, как о далёком детстве, сохранившемся лишь в оттенках и запахах. Возникало чувство, что она наконец-то нашла то, что искала всю жизнь, — тихую гавань, где можно просто быть, не оглядываясь, не ожидая удара в спину.

Мия понимала язык этого мира, хотя точно знала, что не учила его: ни в школе, ни в детском доме, ни вечерами с учебниками. И этот факт добавлял тяжёлый, неумолимый плюсик в копилку разума — ведь если мозг способен на такое, значит, он сам создаёт эту иллюзию, сплетает её из обрывков воспоминаний, из снов, из желаний. Всю прошедшую неделю девушка щипала себя, чтобы проснуться: до боли сжимала кожу на запястье, тёрла глаза, задерживала дыхание, надеясь, что мир рассыплется, как карточный домик от лёгкого дуновения. Искала внешние доказательства нереальности: смотрела на тени, прислушивалась к эху шагов, вглядывалась в лица людей, пытаясь найти в них что-то кукольное, ненастоящее. Но никаких драконов и магов так и не увидела. Из необычного были только светильники и люстры под потолком — они выглядели как хрустальные шары с золотыми узорами и каркасами, словно кто-то заключил свет в изящные клетки. Здесь, в принципе, было много золота: оно оплетало карнизы, мерцало в резьбе, пряталось в складках штор, будто само королевство было отлито из этого металла и лишь слегка присыпано камнем.

Мия не особо придавала значения этим шарам. Ну, были эти плафоны все в одном стиле — и что? Свет в них отличался от привычного, но тоже не так уж необычно: ведь на Земле есть обычные лампочки, есть с белым светом, есть энергосберегающие. Может, и эти — что-то подобное. Хотя ни одного провода или выключателя она так и не нашла. Свет загорался сам, когда начинало темнеть, будто по волшебству, но Мия, посчитав это не столь важным, больше не заостряла на этом внимание. Она научилась не замечать странного, прятать его за привычными объяснениями, как прячут острый угол за мягкой подушкой.

Неделя была спокойной, но трудной с непривычки: подъём с первыми «петухами», когда небо ещё тёмно-синее, почти чёрное, а воздух свежий, колючий, будто сотканный из иголочек. Отбой далеко за полночь, когда звёзды уже тускнеют, готовясь уступить место рассвету. Мия спала по три-четыре часа в сутки, и этого едва хватало, чтобы не упасть от усталости. Радовало то, что есть крыша над головой и еда — простая, но горячая, с запахом хлеба и пряных трав. Тут была стабильность, которой она лишилась в своём мире, и эта стабильность стала для неё чем-то священным, почти недосягаемым сокровищем. Может, именно поэтому ей так хотелось верить, что всё реально: не хотелось открыть глаза и понять, что это всего лишь сон, жестокий

и красивый. Не хотелось осознать, что ты снова одна в этом мире — без дома, без еды, без средств к существованию, с чемоданом, который кто-то украл, и с кулоном, спрятанным под камнем.

Свои обязанности Мия выучила назубок, и они стали её ритмом, её дыханием. Подъём, быстрый завтрак — кусочек хлеба, кружка травяного чая — и сразу к уборке: пять спальных комнат, кабинет, бальный зал. После быстрого обеда — уборка столовой вместе с несколькими девушками, их движения сливались в единый, отработанный танец: кто-то вытирал столы, кто-то мыл посуду, кто-то подметал пол. Затем уборка двух коридоров и гостевых комнат по необходимости. Потом ужин, вновь уборка столовой и до отбоя — помощь на кухне: чистка овощей, мытьё котлов, перетаскивание корзин с бельём. В принципе, не сложно, но размеры всех помещений были настолько велики, что на уборку каждого уходило столько времени, что казалось, будто она убирает не комнату, а целый город. Бальный зал казался размером с небольшое футбольное поле, и когда Мия входила в него с ведром и тряпкой, эхо её шагов звучало как чужой голос, насмехающийся над её стараниями. Гостевые спальни состояли из достаточно большой комнаты, ванной и гардеробной, а спальни, в которых жили постоянно, напоминали квартиры: большая гостиная, спальня, ванная, гардеробная и ещё одна комната. Она во всех пяти спальнях различалась не только основным цветом — от тёплого золотого до глубокого изумрудного, — но и предназначением. В трёх она напоминала салон красоты: различные зеркала в резных рамах, столики с женскими принадлежностями, баночки и флаконы, от которых пахло цветами и специями. В двух других — кабинеты с отдельной зоной отдыха, где на полках стояли книги в кожаных переплётах, а в углу притаился маленький столик для игры в шахматы.

Но Мия не унывала и даже благодарила судьбу. В её благодарности не было пафоса, только тихая, упрямая признательность за то, что у неё есть дело, есть место, есть люди, пусть и не близкие, но не чужие.

Однажды Мия зашла на кухню пообедать. Практически все были в сборе, и атмосфера была возбуждённой, напряжённой, будто воздух загустел от шёпота и быстрых взглядов. Все шептались и обсуждали что-то запретное, и в этих шёпотах слышалась не просто сплетня, а тревога, смешанная с предвкушением.

— Где ты ходишь?! — подбежала Лияна, коллега по наведению чистоты, схватив Мию за руку и потянув к столу. Её глаза горели, а щёки раскраснелись, будто она только что пробежала через весь замок. — Надо быстро поесть. Ближайшие три дня у нас прибавится работы, — тараторила она, не давая вставить и слова.

— А что случилось? — Мия пыталась уловить суть, но мир вокруг кружился слишком быстро.

— Через три дня будет бал в честь помолвки принца Рональда и принцессы Люсии, — с важным видом пояснила девушка, понизив голос, будто даже упоминание этих имён могло навлечь беду. — Это очень важный день для Золотых драконов.

— Почему?

— Ай, я всё время забываю, что ты не местная, — Лияна закатила глаза, но тут же смягчилась, увидев растерянность в глазах Мии. — Род золотых драконов был проклят родом серебряных. Вот король и решил женить сына на дочери серебряных драконов. Надеется таким образом снять проклятье.

— Ааа… Думаешь, поможет?

— Не знаю, — пожала плечами Лияна, и в этом жесте была вся человеческая беспомощность перед лицом судьбы. — Этого никто не знает. Но погибший маг говорил, что проклятье снимет девушка, в которой течёт кровь рода серебряных драконов. На данный момент это может быть только Люсия де Виль. Жена короля давно умерла. Брат бежал, и судьба его неизвестна. О его детях тем более ничего никто не знает. Может, их и вовсе нет.

— Понятно, — проговорила Мия, хотя было ничего не понятно. У неё было множество вопросов, острых и настойчивых, но задать их было некому: она не знала, кому можно доверять, а кому — нет. В этом мире даже шёпот мог стать оружием, а искренность — слабостью.

Быстро пообедав, все приступили к своим обязанностям, и работа закипела, как вода в котле. Замок начищали практически до блеска: полировали бронзовые ручки, вытирали пыль с карнизов, намывали полы так, что они сияли, как ледяные дорожки. Украшали зал, столовую и все проходящие помещения, не забыв про сад: там развешивали фонари, расставляли вазы с цветами, подстригали кусты в форме драконов. За трое суток Мия спала от силы пару часов, и усталость ложилась на плечи тяжёлым плащом, который невозможно было снять. К назначенному дню она еле держалась на ногах, но в её глазах, несмотря на изнеможение, горел упрямый огонёк: она не сдастся, не позволит себе упасть, потому что теперь у неё было не просто место, а цель — пусть маленькая, незаметная, но своя.

ГЛАВА 5

Наступил самый важный день в судьбе целого королевства — так считали все вокруг, и даже воздух, казалось, звенел от напряжения, как туго натянутая струна. А вот для Мии этот день был действительно особенным, и не из-за пышности торжества, а из-за того, что сегодня она впервые увидит не только чету золотых драконов, но и серебряных. За отработанную неделю девушка так и не смогла лицезреть ни одного представителя королевской династии. Ей было неведомо, во сколько они просыпались и где, чем занимались, но, когда она приходила убираться в комнатах, те были абсолютно пусты — словно хозяева этих покоев существовали вне времени, появляясь лишь тогда, когда этого требовала история.

Народ собрался у замка, образуя живой коридор до самой лестницы перед парадным входом. Люди стояли плечом к плечу, и в этом едином порыве было что-то величественное и одновременно пугающее — будто сама земля собралась посмотреть на чудо. Каждый житель королевства хотел лично увидеть королевскую семью серебряных драконов, впитать этот миг, чтобы потом рассказывать о нём внукам. Слуги затерялись в толпе перед самым входом, и в их присутствии был двойной смысл: первый — как у всех, посмотреть на семью серебряных; второй — если понадобится, сразу прийти на помощь, мгновенно раствориться в пространстве дворца и исполнить свои обязанности, будто их и не было вовсе.

Мия затерялась в толпе зевак, стараясь слиться с ней, стать незаметной, как тень в углу комнаты. Она стояла, слегка ссутулившись, пряча руки в складках простой одежды, и всё же не могла оторвать взгляда от парадных дверей. Распахнулись двери дворца, и перед народом предстали король и принц.

Король — высокий, плотного телосложения, на вид лет пятидесяти с небольшим — шёл гордой, уверенной походкой, будто каждый его шаг был заранее продуман и отрепетирован. Он был в золотом одеянии — от него аж глаза резало, смотреть на него при свете солнца было почти больно. Весь он блестел, как начищенный самовар, отражая лучи и заставляя людей щуриться. На плечах лежала накидка из тёмно-зелёного бархата с золотым обрамлением, тяжёлая, роскошная, словно сама тяжесть власти была вшита в её складки. Корона, усыпанная разноцветными драгоценными камнями, сияла, будто в ней заключены все закаты мира. Он смотрел на всех свысока, и в его взгляде было что-то неприятное, отталкивающее — словно он видел не людей, а лишь фигуры, заполняющие пространство вокруг него.

Принц, напротив, притягивал взгляд. Он открыто улыбался людям, хоть и пытался выглядеть серьёзно, будто сама улыбка была для него непривычной, но желанной. Высокий, широкоплечий, на вид около тридцати лет, он излучал силу, но в ней не было угрозы — скорее, обещание защиты. Одет он был в белый костюм с золотым обрамлением, который чем-то походил на смокинг, но был богаче, торжественнее, будто соткан из света и мечты. На поясе висел меч

в ножнах, инкрустированных драгоценными камнями, — он не выглядел как оружие, скорее как символ, знак того, что этот человек готов защищать то, что ему дорого.

Мия смотрела с раскрытым ртом, и ей было сложно отвести взгляд от такой роскоши, когда её выставляют напоказ, словно драгоценность на бархатной подушке. Когда принц доходил до людей, среди которых находилась Мия, она почувствовала себя странно: внутри что-то встрепенулось, будто в душе спал ещё один человек и проснулся от толчка, от звука его голоса, от его взгляда. Это было похоже на то, как если бы замёрзшее озеро вдруг треснуло изнутри, выпуская на свободу что-то давно забытое.

Принц Рональд тоже повёл себя странно. Он резко остановился и повернулся в её сторону, и улыбка пропала с его лица, как гаснет свеча от резкого порыва ветра. Хищный взгляд стал шарить по толпе, острый, внимательный, будто он искал что-то, что могло ускользнуть. Не отдавая себе отчёта, Мия напугалась и присела, спрятавшись за спинами людей. Ей казалось, что он ищет именно её, словно знает, что Мия чужая в этом мире, и её присутствие — это трещина в безупречной картине.

Через пару минут раздался звук трубы — пронзительный, чистый, будто сам воздух расступился, чтобы пропустить этот звук. Глашатай объявил о прибытии короля серебряных драконов, и толпа замерла, как замирает лес перед грозой. Мия выпрямилась, чтобы посмотреть, и сердце забилось быстрее, будто хотело вырваться наружу. Рональд пришёл в себя и быстрым шагом стал догонять отца, и в этом движении было что-то человеческое — будто он вдруг вспомнил, что не только принц, но и сын, и должен быть рядом.

В ворота въехала карета, запряжённая буйволами, и этот образ поразил Мию своей непривычностью: в этом мире она не видела лошадей, и теперь поняла, что привычные вещи здесь заменены другими, не менее величественными. Серебряная карета остановилась у начала живого коридора, и Мия могла поклясться, что она из настоящего серебра — металл был холодным, блестящим, будто впитал в себя лунный свет. В этом мире, наверное, существовал какой-то закон, быть может, негласный: род должен подчёркивать своё звание во всём — в одежде, вещах, предметах. В серебряном королевстве, наверное, повсюду стояли статуи серебряных драконов, как здесь — золотых. Мия усмехнулась про себя, и эта усмешка была тихой, почти незаметной, но в ней пряталась надежда, что если мир такой странный, значит, в нём возможно всё.

Первым появился король Демиан де Виль. Что внешне, что в одежде он был похож на короля Льюиса, только в серебряном стиле: те же гордые черты лица, та же осанка, но металл, украшавший его, был холодным, сдержанным, будто отражал не солнце, а звёзды. За ним появилась и принцесса Люсия — молодая девушка, на вид лет двадцати пяти, с правильными чертами лица, брюнетка с волосами, чёрными, как ночное небо. Она была достаточно симпатичной, но красота её не кричала, а шептала, приглашая присмотреться. Платье было отдельным видом искусства: множество пышных юбок, шлейф длиной метра два, два цвета — нежно-голубой и серебряный — переливались, как вода на закате. На корсете в солнечных лучах играли бриллианты и сапфиры, и казалось, что само платье дышит светом, живёт своей жизнью, подчёркивая каждый шаг принцессы, делая его медленным, торжественным, словно она не шла, а плыла по воздуху.

***

Гостей расположили в гостевых комнатах, но не в одной из тех, где убиралась Мия, — из чего она сделала вывод, что есть гостевые покои и более роскошные, предназначенные для тех, чьё присутствие меняет судьбу королевств. Отдохнувшие и посвежевшие, гости спустились в столовую, и когда они вошли, воздух в зале будто стал гуще, тяжелее, словно сама история, которую они несли в себе, наполняла пространство невидимым давлением. Обеды и так были

всегда на высшем уровне, но сегодня повара превзошли сами себя: блюда подавались одно за другим, и каждое было маленьким шедевром — мясо, истекающее соком, овощи, уложенные так, что напоминали картину, соусы, чьи ароматы сплетались в воздухе в сложную, дурманящую симфонию. Золотые тарелки, серебряные кубки, хрустальные бокалы, в которых вино играло рубиновыми отблесками, — всё это двигалось, звенело, переливалось, и за столом шла своя, невидимая битва: каждый взгляд, каждый жест, каждое слово было ходом в партии, исход которой зависел не от силы, а от тонкости.

День тянулся ужасно медленно, словно кто-то взял время за горло и не давал ему двигаться вперёд. Мия не могла дождаться, когда ляжет спать: все её мечты, все мысли, все желания свелись к одной-единственной — «поспать хотя бы пару часов». Силы покинули её, и тело двигалось по инерции, как заводная кукла, у которой почти кончился завод. Завтра состоится бал, и будет ещё один безумный день, на который потребуются силы, — а их нет, их нет, и каждая минута, проведённая на ногах, забирала последнюю каплю энергии, оставляя лишь пустоту. Покончив с делами, девушка заснула, как только её голова коснулась подушки, — мгновенно, провально, будто провалилась в чёрную воду, и сознание погасло, как свеча, задутая невидимой рукой.

Впервые за долгое время ей снился сон — лёгкий, необычный, не похожий на привычные кошмары, в которых она снова была одна, снова в детском доме, снова дралась за право просто существовать. Мие снились драконы. Они парили в небе, два великана, два живых пламени — один золотой, второй серебряный, — их крылья рассекали воздух, и от каждого взмаха по миру пробегала волна, как от брошенного в озеро камня, только камень был размером с гору. Она наблюдала за ними со стороны, а иногда вдруг видела глазами серебристого дракона: чувствовала, как ветер обтекает тело, как солнце греет чешую, как далеко внизу крошечными игрушками лежат поля и реки, и в груди разливается ощущение, которого она не знала ни в одном из своих снов наяву, — свобода. Эти громадные существа были счастливы, и в их счастье не было ни тяжести, ни тени, — чистое, первозданное, как первый рассвет, как первый вздох новорождённого.

Проснувшись, девушка решила, что на неё так повлияла встреча двух королевских семей, предстоящая свадьба и рассказ о проклятье и драконах, — и это объяснение было простым, удобным, как старая туфля, которую носят не потому, что красива, а потому, что не натирает. С этими мыслями Мия наводила порядок в одной из спален: протирала зеркало, расправляла покрывало, смахивала пыль с туалетного столика, и движения её были механическими, привычными, а разум где-то далеко, в том сне, в том небе, где два дракона летели рядом и были свободны.

Её привлекло движение за окном, и Мия подошла ближе, инстинктивно прижавшись лицом к стеклу, как ребёнок, увидевший за окном чудо. Девушка взглянула через стекло, и дыхание её перехватило. Большой серебряный дракон спускался на балкон, который проходил вдоль всего второго этажа по периметру замка, — он был огромен, величественен, и его серебряная чешуя переливалась на солнце, как роса на утренней траве. Каждое движение было плавным, точным, исполненным силы, которая не нуждалась в доказательствах. Коснувшись мраморного пола балкона, дракон замер, и тело его потекло, заклубилось, как жидкое серебро, меняя форму, уплотняясь, — и через мгновение на месте чудовища стоял король Демиан де Виль, как будто только что вышел из своей комнаты, одетый и спокойный, будто ничего не произошло. С боку к нему приближался король Льюис, и по его походке, жёсткой, тяжёлой, как у человека, который несёт на плечах невидимый груз, Мия поняла: разговор будет не из лёгких.

— Ты не мог воздержаться от полётов на время пребывания в моём замке?! — гремел негодованием золотой король, и его голос, усиленный каменными стенами, летел по балкону, отражаясь от колонн, как от зеркал.

— А что такого? Мы драконы. Почему я должен сдерживать свою сущность? — де Виль пытался сделать голос удивлённым, но в нём слышалась насмешка, тонкая, ядовитая, как игла, которую вонзают под ноготь.

— Ты мог бы проявить уважение.

— Я его и так проявляю. Я даже согласился отдать свою единственную дочь за твоего сына.

Льюис Дон только рыкнул — низкий, звериный, от которого у Мии по спине пробежала волна мурашек, — и удалился, тяжело ступая по мрамору, будто каждый шаг стоил ему усилия. Когда шаги стихли, растворились в глубине коридора, послышался злобный смех — тихий, короткий, но в нём было столько злорадства, что он показался Мие хлёстким, как пощёчина.

— Злись, злись. Ты сам виноват в своих бедах, — проговорил надменно де Виль, и каждое слово падало, как капля яда, медленно, рассчитано. Скрылся в противоположном направлении, и его шаги были лёгкими, почти танцующими, будто он только что выиграл сражение, в котором не было пролитой крови.

«Что же за проклятье такое? Как бы узнать поподробнее?» — подумала Мия, продолжив уборку, но руки её двигались медленнее, а мысли метались, как птицы в клетке, налетая на прутья и отскакивая, не находя выхода.

Вечер. Начался бал.

Собралось много народа: маркизы, князья, графья, вся местная элита — и каждый, казалось, старался перещеголять другого роскошью наряда, блеском украшений, величиной свиты. От дорогих нарядов и украшений рябило в глазах: бархат, шёлк, парча, кружево, золото, серебро, бриллианты, изумруды, сапфиры, рубины — всё это двигалось, переливалось, перемешивалось, словно кто-то высыпал в зал сундук с сокровищами и позвал гостей разобраться, чьё где. Несколько часов народ танцевал и обменивался любезностями, и под ногами кружилась пыль, поднятая башмаками и туфлями, а в воздухе висел густой запах духов, вина и воска от сотен свечей, освещавших зал мягким, трепетным светом.

После король золотых драконов Льюис Дон взял слово и объявил о помолвке сына Рональда с принцессой серебряных драконов Люсией де Виль. Зал взорвался аплодисментами, и звук был таким густым, таким оглушительным, что, казалось, стены замка дрогнули, а пламя в свечах замерцало, будто даже огонь хотел присоединиться к овации. Потянулась вереница желающих лично выразить свои поздравления: один за другим гости подходили к королю, к принцу, к принцессе, и каждый кланялся, произносил слова, улыбался, а глаза при этом скользили по лицам монархов, высчитывая, оценивая, запоминая.

После чего продолжились танцы. Люсия «приклеилась» к Рональду и не отходила ни на шаг, и в её взгляде, обращённом к нему, было столько нежности, столько отчаянной, почти жадной преданности, что становилось неловко, словно подсмотрел чьё-то тайное письмо. Складывалось впечатление, что для неё это не просто договорной брак, а нечто большее — может быть, любовь с первого взгляда, а может, последняя надежда, за которую она цеплялась обеими руками. Только Рональд не разделял её энтузиазма: он постоянно крутил головой, присматривался, иногда казалось, что принюхивался, — в его движениях было что-то звериное, настороженное, как у хищника, учуявшего добычу. Рональд определённо кого-то искал, и эта целеустремлённость была почти осязаемой, как натянутая нить, которую вот-вот заденут, и она зазвенит. Мие казалось, что именно её, и поэтому старалась держаться как можно дальше, забиваясь в углы, прячась за колоннами, растворяясь среди других слуг, будто была не частью этого мира, а тенью, которую и без того никто не должен заметить.

Девушка вздохнула полной грудью только попав в свою комнату, и этот вздох был похож на тот, что вырывается у ныряльщика, наконец-то вынырнувшего на поверхность. Она упала на кровать, и тело её, кажется, впервые за эти дни перестало быть натянутой пружиной. Но сон

не шёл: за закрытыми глазами стоял взгляд Рональда, острый, ищущий, неотвратимый, и Мия чувствовала, что всё только начинается.

ГЛАВА 6

Утро нового дня радости не принесло. Тяжёлая тишина повисла в доме, словно густой туман, оседающий на плечи, и даже первые лучи солнца, пробивавшиеся сквозь полупрозрачные занавеси, не могли развеять эту давящую атмосферу. Пока гости не разъедутся, спокойствия не будет. А гостить они собираются пару недель — срок, который тянулся в воображении Люсии бесконечной чередой шумных разговоров, звяканья посуды и чужих взглядов, скользящих по её дому, будто оценивая каждый уголок. Люсия выглядела расстроенной: её обычно живые глаза потускнели, а уголки губ опустились, словно она пыталась удержать внутри горькие слова, которые так и рвались наружу. Судя по всему, она мечтала выйти замуж как можно раньше, чтобы наконец укрыться от этого назойливого внимания, обрести свой тихий уголок, где можно было бы дышать свободно.

Мия наводила порядок в комнатах. Три были убраны, осталось две. Девушка вошла в следующее помещение и принялась за работу. Сменила постель, застелила кровать — простыни легли ровно, без единой складки, будто пытаясь создать островок порядка в этом хаосе. Стерла пыль, и мельчайшие частицы, кружась в лучах света, напоминали крошечные звёзды, падающие с невидимого неба. Вычистила ванную комнату, где капли воды, стекавшие по фарфору, звенели тихими, одинокими нотами в общей тишине дома. Навела порядок в импровизированном кабинете — стопки бумаг легли ровными рядами, чернильницы замерли, словно затаив дыхание. Занялась гостиной, как вдруг резко открылась входная дверь. Холодный сквозняк ворвался следом, взметнув края штор и заставив пламя в камине дрогнуть, будто испуганное внезапным вторжением.

В комнату ворвался Рональд с горящими глазами — в них плескалось что-то дикое, неукротимое, словно в груди принца бушевал шторм, который он не мог сдержать. Схватив Мию за предплечье, он прижал её к стене. Камень под спиной девушки был холодным и твёрдым, и этот холод пронзил её до самых костей, смешавшись с ужасом, сковавшим движения.

— Вот я и нашёл тебя, — прорычал он, и его голос, низкий и хриплый, отозвался эхом в пустой комнате, заставляя воздух сгущаться, становиться почти осязаемым.

Мия напугалась. Стала судорожно перебирать в голове, чем могла выдать себя: не тем ли взглядом, не той ли походкой, не словом ли, сорвавшимся невзначай? Он не сводил с неё взора, и этот взгляд был острым, как лезвие, проникающим сквозь слои привычной сдержанности, будто он пытался прочесть каждую мысль, спрятанную в глубине её сознания. Девушка затаила дыхание, ждала продолжения разговора, держа себя в руках из последних сил, стараясь не утратить самообладание. Но принц продолжал молчать, и эта тишина была тяжелее любых слов, гуще любого крика.

— У вас будут какие-то пожелания? Вам что-то принести? — первой нарушила молчание Мия, и её голос, хоть и прозвучал ровно, дрогнул едва уловимо, как тонкая струна, натянутая до предела.

— Мне… нет… ничего не нужно, — Рональд словно очнулся, отпустил её и отошёл на два шага назад, будто сам испугался собственной вспышки. Его плечи слегка опустились, а взгляд на мгновение стал потерянным, как у человека, внезапно осознавшего, что он сделал что-то непоправимое. — Я… мне… Продолжай заниматься своими делами, а я займусь своими. Почему ты появилась именно сейчас? — Последнее предложение он произнёс еле слышно, но Мия расслышала, и эти слова повисли в воздухе, тяжёлые и необъяснимые, словно камень, брошенный в спокойную воду и породивший круги, которые ещё долго будут расходиться во все стороны.

Он зашёл в кабинет, но дверь оставил открытой, и эта приоткрытая створка стала своеобразной ниточкой, связывающей их, тонкой и хрупкой, готовой порваться от малейшего дуновения. Как только принц отдалился, Мия почувствовала холод, пробирающийся под кожу, сковывающий движения, заставляющий дрожать даже тогда, когда в комнате было тепло. Хотя даже не поняла, что начала гореть в его руках — этот жар, обжигающий и странный, теперь казался далёким воспоминанием, сменяясь ледяным ознобом. Всё оставшееся время Мия ощущала на себе его взгляд, невидимый, но такой ощутимый, будто чьи-то пальцы скользили по её спине, заставляя вздрагивать от каждого шороха. А что он от неё хотел, девушка так и не поняла, и эта неопределённость терзала сильнее любых прямых обвинений.

Успокоилась лишь, перейдя к следующей спальне. Здесь воздух был другим — спокойным, неподвижным, пропитанным запахом лаванды и старой древесины, словно время в этой комнате текло медленнее, позволяя перевести дух. Но вскоре она стала ощущать потребность вернуться туда, в гостиную, к приоткрытой двери, к этому напряжённому молчанию, и это её пугало — не сама потребность, а её необъяснимость, словно какая-то невидимая сила тянула её обратно, вопреки здравому смыслу и осторожности.

«Что он хотел сказать последней фразой? Ну появилась я тут. Ну и что? Я же его не трогаю и жить ему не мешаю. Как он вообще узнал, что я не здешняя? Вопросов становится ещё больше. Зато ответов по-прежнему нет. Ещё и это чувство — быть рядом с ним. Что это? Я его видела только два раза. Зачем мне с ним связываться? Я даже не выяснила, как тут относятся к людям с другого мира и были ли такие тут раньше? Вдруг меня убьют? Готова ли я рискнуть жизнью ради сомнительного счастья? Хотя что это я… Кто сказал, что принцу нужны отношения со мной? А мне они нужны? Как я вообще к этому пришла? Какие отношения? Откуда этот бред в моей голове? Мне нужно думать, хочу ли я вернуться в свой мир или будет лучше остаться тут. А уж потом подумаю об отношениях. И уж точно не с принцем. У него вообще скоро свадьба. Но почему мне это не нравится? Это же не ревность? Чтоб ревновать, нужно любить. Но я ведь не люблю Рональда. Чтоб любить, надо знать человека, а я его не знаю. А в любовь с первого взгляда я не верю. Это глупо. С первого взгляда можно влюбиться в картинку. А картинка — это не весь человек. Так что нужно выкинуть весь этот бред из головы и спокойно жить дальше. Жить и работать и как можно меньше привлекать к себе внимания».

С этими мыслями Мия ложилась спать, укутываясь в тонкое одеяло, которое не могло согреть её от внутреннего холода, и даже не подозревала, что не привлекать внимания не получится. Ночь окутала дом мягкой, бархатной тьмой, но в этой темноте таилось что-то новое, неизбежное, словно сама судьба тихо стучалась в закрытые двери, ожидая момента, когда её впустят.

***

Утро началось неожиданно — резкий, но осторожный шорох разбудил Мию раньше привычного часа. Лукреция скользнула в комнату бесшумно, словно тень, отделившаяся от сумрака, и приложила палец к губам, показывая хранить молчание. В её глазах читалась смесь решимости и тревоги, а жест, призывающий выйти в коридор, был чётким, не терпящим возражений.

— Что-то случилось? — прошептала Мия, едва переступив порог и оказавшись в полутёмном коридоре. Здесь воздух был прохладнее, чем в спальне, и пах воском и старыми травами — запах, который всегда витал возле комнат домоправительницы, будто она носила его с собой, как невидимый плащ.

— Можно и так сказать, — женщина вздохнула, и этот вздох прозвучал как признание в усталости, накопившейся за долгие дни. Она пояснила: — Принц Рональд отдал распоряжение. С этого дня ты его личный помощник.

— Что? Кто? Я? — сердце девушки пропустило удар, а после пустилось вскачь, отбивая бешеный ритм где-то в горле, мешая дышать. Эта новость принесла одновременно и необъяснимую радость, от которой на мгновение закружилась голова, и нервозность со страхом, сковывающими движения, словно невидимые цепи сомкнулись вокруг запястий. В груди всё сжалось, а перед глазами на миг поплыли тёмные пятна.

— Не волнуйся ты так, — в знак поддержки Лукреция погладила её по плечу, и это простое прикосновение оказалось неожиданно тёплым, будто кусочек домашнего уюта, который вдруг протянули в самый тревожный момент. — Все предыдущие обязанности с тебя снимаются. Новые тебе объяснит принц Рональд. Собери свои вещи, ты будешь жить в соседней комнате от принца. Чтоб в случае чего быстро прийти на помощь.

С каждым сказанным Лукрецией словом сердце Мии ускорялось, хотя казалось, что быстрее просто уже некуда — оно грохотало в ушах, заглушая даже тихий скрип половиц под ногами. Пребывая в шоковом состоянии, девушка собрала свои немногочисленные вещи в небольшой узел, пальцы дрожали, и она несколько раз роняла гребень, который никак не хотел укладываться ровно. Потом пошла вслед за домоправительницей, ступая по коридору, где солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь узкие витражные окна, рассыпались цветными пятнами по полу, словно осколки чьих-то чужих снов.

Они зашли в одну из комнат, которую не так давно убирала Мия. Из трёх похожих покоев эта была выдержана в нежно-зелёных тонах — стены отливали цветом весенней листвы после дождя, а лёгкие занавеси, казалось, хранили в себе запах лугов и свежего ветра. Здесь царила особая тишина — не пустая, а будто наполненная ожиданием, как бывает в доме перед важным событием.

— Можешь располагаться и переодеваться. Принц будет ждать тебя в своих покоях через час. Новая одежда ждёт тебя в гардеробной, — сказала Лукреция ровным тоном, в котором не было ни радости, ни осуждения — только спокойная деловитость. После сказанного женщина покинула комнату, и дверь закрылась за ней с тихим, почти неслышным щелчком, оставив Мию наедине с новой реальностью. По её внешнему виду не было понятно, как она относится к новому назначению Мии: лицо домоправительницы оставалось непроницаемым, словно высеченным из камня, и от этого девушке стало ещё тревожнее.

Девушку волновало общее мнение — она остро чувствовала, как в этом замкнутом мире каждый шаг становится поводом для пересудов, и не хотелось обзаводиться недругами и тем более врагами. Этот страх холодил кожу, заставляя вздрагивать от каждого случайного шороха.

Мия направилась в гардеробную. Платьев было около десяти. Все они были далеки от униформы горничной и даже от платьев госпожи Лукреции — те всегда отличались строгой простотой и практичностью. Эти же наряды были в разы красивее и пышнее, ткань переливалась в свете, а складки ложились так, будто каждое платье жило своей собственной жизнью. Мия не представляла, как в этом ходить и уж тем более работать: движения казались ей теперь чем-то громоздким, неуклюжим, словно она боялась помять драгоценные ткани одним неловким жестом. Она могла бы сказать, что это бальные наряды, но на балу были платья ещё пышнее и сверкали драгоценными камнями, будто звёзды, упавшие с неба и заключённые в шёлк.

Долго разглядывала ряды платьев, скользя пальцами по гладкой ткани, ощущая, как холод атласа сменяется теплом бархата, а тонкая вышивка царапает кожу едва уловимыми узорами. В конце концов выбрала самое тёмное и простое из всех — хотя это было спорное утверждение. Оно было тёмно-сиреневым, с серебристой вышивкой на корсете, которая мерцала при каждом движении, словно россыпь лунного света. Присборенные слои юбки придавали образу лёгкость, будто платье хотело унести её прочь от всех тревог, а небольшая накидка на плечи обещала хрупкое тепло, которого так не хватало в этом новом, пугающем мире.

Волосы расчесала и, оставив их распущенными, отправилась на встречу с принцем. Тёмно-сиреневое платье мягко шуршало при каждом шаге, и этот звук казался единственным, что

нарушало тишину утреннего коридора. Серебристая вышивка на корсете ловила редкие лучи света, дробя их на крошечные искры. Мия шла, гадая, что же он скажет и как объяснит свой поступок — ведь до сих пор ни один его жест не поддавался разумному толкованию, и каждый раз за его действиями стояло что-то, чему она не могла подобрать имени.

Постучала и, дождавшись ответа «войдите», прошла в покои. Тяжёлая дверь поддалась не сразу, словно ей нужен был взгляд изнутри, чтобы убедиться, что посетитель действительно желанный. За порогом воздух был другим — густым, тёплым, пропитанным запахом кожи и каких-то пряностей, которых Мия прежде не встречала. Кабинет принца дышал уверенностью и силой: тёмные стены, тяжёлые портьеры, отблески камина на полированных поверхностях. Всё здесь было устроено так, чтобы говорить с хозяином на равных — или не говорить вовсе.

— Проходи в кабинет, — послышался мягкий баритон, и его мягкость странно контрастировала с тем напором, с каким принц ворвался вчера в гостиную. Будто два разных человека жили в одном голосе.

Девушка повернулась на голос и увидела распахнутую настежь дверь кабинета. Проследовала в него, чувствуя, как подол платья скользит по тёмному ворсу ковра, и замерла напротив большого стола из тёмного дерева. Стол был массивным, с едва заметными следами времени на отполированной поверхности, и на нём царил особый, сдержанный порядок: стопки бумаг, перья в подставке, толстые книги в потёртых переплётах. Всё говорило о привычке к работе и о том, что хозяин этого кабинета не терпит суеты.

Рональд стоял у окна, и утренний свет очерчивал его профиль, падая на лицо так, что глаза оставались в полутени, и прочитать в них что-либо было невозможно. От этого Мие стало ещё тревожнее.

— Присаживайтесь, — указал рукой на кресло, стоящее справа от стола. Кресло было глубоким, обитым тёмной кожей, и казалось, что оно готово поглотить целиком, стоит только расслабиться. — Для начала давай познакомимся. Меня можешь звать просто Рональдом, — он замолчал и выжидательно смотрел на девушку, и в этом взгляде не было ни вчерашней ярости, ни холода, а лишь спокойное, внимательное ожидание.

— Меня… я Мия, — заикаясь произнесла она, и голос прозвучал тоньше и слабее, чем ей хотелось бы, словно, где-то внутри её обычная сдержанность дала трещину, пропустив наружу растерянность.

— Хорошо. Теперь я хотел бы узнать уровень твоих знаний, чтоб понять, что я могу тебе поручить, — произнёс он деловито, без нажима, будто они и вправду вели обычную рабочую беседу, а не стояли на пороге чего-то, чему ни у одного из них не было названия.

— Простите? — недоуменно смотрела на принца, и брови сами поднялись вверх. — Вы назначили меня помощницей, не имея понятия, что я смогу делать, а что нет? Как такое возможно?

В голосе её на мгновение проступило что-то, кроме страха, — почти дерзость, и Мия тут же спохватилась, но слова уже были сказаны и висели в воздухе, как стрелы, выпущенные против воли.

Рональд чуть приподнял бровь, и по его лицу скользнула едва уловимая тень — то ли усмешки, то ли удивления. Но голос остался ровным.

— Нуу… примерно так, — он чуть отступил к столу и облокотился на край, скрестив руки. — Но я всё же надеюсь, что у тебя достаточно образования. Мне сказали, ты из Кондира. Там достаточно хорошее образование, даже для самых бедных. Что ты умеешь?

— Я не знаю… — Мия перебирала в голове варианты, и мысли метались, как испуганные птицы в тесной клетке. Медицина? Принцип тот же, но вот лекарства и обследования явно другие. Фармацевтика? Тут явно всё кардинально отличается от земной. Что ещё? Читать, писать? Не пробовала. Может, и умею. Так же, как и говорю на языке, которого не учила, —

этот язык пришёл к ней сам по себе, как дыхание, как моргание, и она до сих пор не переставала удивляться, как что-то незнакомое может казаться таким родным.

Тишина между ними растягивалась, и Мия чувствовала, как каждая секунда молчания делает её в глазах принца всё более загадочной и, быть может, всё более подозрительной. Она искала слова, которые не выдадут слишком много, но и не сделают её бесполезной. Всё это так напомнило игру, правила которой ей никто не объяснил.

— Начнём с простого, — не выдержал долгой паузы Рональд, и в его голосе прозвучало что-то похожее на нетерпение, которое он тут же спрятал. — Читать, писать?

— Я… мне… — «как же сформулировать?» — Давайте попробуем.

Мия подошла к столу и взглянула на верхний лист. Увидела те же странные закорючки, что и на воротах, — узоры, что не подчинялись привычной логике ни одного из знакомых ей алфавитов. И постепенно стала понимать смысл написанного, словно буквы один за другим оживали, поворачивались нужной стороной и складывались в слова, а слова — в смысл. Не вспышка озарения, а медленное, как рассвет, прозрение. «Читать умею».

— Где можно написать?

Принц протянул чистый лист и перо с чернилами. Перо было тяжёлым, с тонким серебряным пером, а чернила в стеклянном флаконе отливали глубокой, почти чёрной синевой. Мия приняла, и пальцы на мгновение коснулись его пальцев — прикосновение вышло мимолётным, но от него по руке пробежала горячая волна, которую она постаралась не заметить.

«Я умею писать», — вывела замысловатые завитки, и буквы ложились на бумагу неровно, но узнаваемо, словно чья-то чужая рука вела её ладонь, направляя и поддерживая. Чернила ещё не успели высохнуть, а Мия уже смотрела на результат с недоверием. «Хм… действительно умею».

— Вот, — протянула лист обратно, и бумага слегка дрогнула в её пальцах. — Я умею писать и читать. Ещё, я поверхностно разбираюсь в медицине. Могу распознать распространённые болезни, но не особо разбираюсь в лекарствах, которыми лечить эти болезни.

Рональд принял лист, бегло просмотрел написанное, и уголок его губ чуть дрогнул — не улыбка, скорее тень одобрения, которую он не успел или не захотел скрыть.

— Хорошо. Но думаю, обойдёмся основными навыками. Будешь помогать читать почту и отвечать на письма. С остальным постепенно разберёмся, — произнёс он так спокойно, будто речь шла о погоде, и от этой деловитости Мии стало одновременно легче и страннее: она ожидала чего угодно — допроса, насмешки, новых непонятных намёков, — но только не этой размеренной деловой беседы, в которой не осталось и следа вчерашнего неукротимого огня в его глазах. Или он просто умел прятать его лучше, чем она свои мысли.

ГЛАВА 7

Уже неделю Мия работала с принцем. Читала письма, отвечала на них, предварительно советуясь с Рональдом. Почти всегда они работали в кабинете в его покоях, где утренний свет, просачиваясь сквозь тяжёлые портьеры, ложился мягкими полосами на пол и бумаги, и в этом приглушённом освещении кабинет казался мирным, почти домашним, словно здесь не существовало ни дворцового этикета, ни пропасти между принцем и служанкой. Каждый раз Мия задавалась вопросом, где же принц работал до встречи с ней — ведь когда она наводила порядок, его в комнате не было: ни единой вещи, выдающей присутствие, ни царапины на восковой поверхности стола, ни одной забытой книги с заложенной страницей. Теперь же покои убирает Лияна, в их преследствии — молодая девушка с быстрыми руками и молчаливыми глазами, которая приходила и уходила бесшумно, как сквозняк, и от которой Мия каждый раз чувствовала себя неловко, словно занимала чужое место.

Работа шла размеренно, и за эту неделю между ними установился своеобразный ритм — не дружба, не доверие, а что-то более хрупкое и неопределённое, как тонкая нить, которую оба старались не дёргать, опасаясь порвать. Мия читала вслух, а Рональд слушал, откинувшись в кресле и прикрыв глаза, и иногда по выражению его лица — едва заметному сжатию челюсти, лёгкому движению бровей — можно было догадаться, что его мысли ушли далеко за пределы слов, написанных на пергаменте.

— Как ты попала к нам? — неожиданный вопрос вырвал из мыслей, как порыв ветра, распахивающий настежь приоткрытое окно.

Мия подняла голову от письма, которое держала в руках, и увидела, что принц смотрит на неё в упор — не рассеянно, как обычно, а сосредоточенно, будто этот вопрос он готовил давно и наконец нашёл момент задать.

— В смысле?

— Я имею в виду, зачем покинула родные земли и прибыла к нам, — пояснил он, и в его голосе не было ни нажима, ни подозрения, только ровное, деловое любопытство, которое, впрочем, могло быть маской для чего-то гораздо более глубокого.

— Так получилось, — Мия отвела взгляд к окну, за которым ветер шевелил верхушки деревьев, и листья дрожали мелкой дрожью, словно тоже не знали, куда деться. — После смерти родителей тётя обманом продала мой дом. Лишившись всего, решила начать новую жизнь в другом месте. — Мия частично рассказала правду, и ложь не далась ей тяжело — странно, но история, которую она придумала, укладывалась поверх реальности так ровно, словно была её отражением в мутной воде.

— Можно спросить?

— Спрашивай.

— Когда я убирала ваши покои, где были вы? В смысле, вас никогда не было в комнате, как это происходит сейчас.

Рональд чуть подался вперёд, и тень от его плеч легла на стол, накрыв бумаги тёмным пятном. На мгновение в его взгляде мелькнуло что-то, чего Мия не успела разобрать, — воспоминание, сожаление или усталость, — и тут же погасло.

— Я был в отъезде. Меня не было месяц. Я пытался найти сильного мага. Когда не получилось, договорился о свадьбе с серебряным королём. Сослался на пророчество, — он опустил голову и устремил взгляд в стол, и пальцы его, лежавшие на полированном дереве, чуть сжались, побелев в суставах. Продолжил тише, и этот тихий голос звучал тяжелее любого крика: — Если бы я только знал, что всё так изменится после моего возвращения, я бы не стал договариваться о свадьбе.

— А что изменилось?

— Аа… — поднял голову, будто очнулся ото сна, в котором видел что-то, о чём не хотел говорить наяву. Морщинка между его бровей разгладилась так быстро, словно её и не было. — Не бери в голову, это я о своём.

После разговора они углубились в работу. Перо скрипело по бумаге, переворачивались страницы, за окном мерно шумел ветер, и кабинет снова наполнился привычными, безопасными звуками, за которыми можно было спрятаться. Но Мия никак не могла соседиться на работе. Раз за разом прокручивала в голове разговор, и слова принца, сказанные вполголоса, отзывались в ней с такой силой, словно он прокричал их.

«Что у него изменилось? Всё чаще кажется, что это связано со мной. Ну не просто так он решил сделать меня помощницей. Он преследует какую-то цель. Но какую? Никак не могу понять. А иногда ловлю на себе его взгляд — аж мурашки бегут. Такой он… плотоядный. То ли хочет меня сожрать, то ли просто хочет. А интересно… драконы едят людей? Вдруг едят, чтоб никто не знал. Может, мне надо опасаться? Или я несу бред? Может, меня просто пугает его взгляд, и я начинаю много фантазировать. Ещё чувство это странное, постоянно хочется быть

ближе к нему. Не могу никак понять, это мои чувства и эмоции или он меня гипнотизирует. Я ведь о драконах ничего не знаю. Какие у них есть силы, способности. Может спросить? А как?… Да просто возьму и спрошу. Он ведь задал интересующий его вопрос напрямую. Чем я хуже?!»

— Какими ты обладаешь способностями? — проговорила быстро, чтоб не было времени передумать, и слова вылетели из неё стремительно, словно камень из пращи, — и так же стремительно она пожалела о том, что сказала.

Принц поднял на неё взгляд и изогнул вопросительно бровь, и в этой одной брови было столько, что Мия тут же почувствовала, как щёки заливает жар. Кабинет, секунду назад казавшийся безопасным, вдруг стал тесным.

— Ну я имею в виду, что ты ещё можешь кроме как превращаться в дракона и летать.

Рональд прищурился и сверлил Мию глазами, и этот взгляд был не таким, как раньше, — не тёплым, не любопытным, а острым, как лезвие, ощупывающим её насквозь, от макушки до кончиков пальцев, будто он вдруг увидел в ней что-то, чего не замечал прежде. Воздух между ними загустел, и Мия почувствовала, как спина вжимается в кресло, тело само отстранялось, пока мозг ещё только осознавал опасность.

— Прости. Можешь не отвечать. Я лезу не в своё дело, — стушевалась под его взглядом, и голос её прозвучал тонко, почти по-детски, словно кто-то другой произнёс эти слова её ртом.

— Кто ты?

— Что?

— Кто ТЫ? — принц выделил последнее слово, и оно прозвучало как удар, отделивший этот вопрос от всех предыдущих. Не «что ты умеешь», не «откуда ты», а «кто» — словно ему внезапно стало плевать на способности и происхождение, и важно было только одно: сущность.

— Я не понимаю, — Мия стала нервничать, и руки, лежавшие на подлокотниках, задрожали едва заметно, но достаточно, чтобы она сама это почувствовала и попыталась сжать пальцы сильнее.

— Ну хорошо, — Рональд встал и медленно направился в её сторону, и каждый его шаг звучал гулко в тишине, словно часы, отсчитывающие время до чего-то необратимого. При этом продолжая говорить: — Я могу пламенем из рта сжигать всё вокруг. Даже в облике человека. Раз в месяц съедаю по человеку, — с каждым словом Мия всё больше вжималась в спинку кресла, а глаза расширялись всё больше, и сердце колотилось от ужаса, отбивая ритм, который звенел в ушах, заглушая всё остальное. — Это чтоб не умереть. Ещё могу с помощью магии заставить любого человека делать то, что я хочу. Даже прыгнуть со скалы.

Он подошёл вплотную. Положил руки на подлокотники её кресла, и его ладони, тяжёлые и горячие, преградили пути к отступлению. Приблизил лицо к её лицу — между ними было пара сантиметров, достаточно близко, чтобы почувствовать его дыхание на своей коже, и это дыхание было обжигающим, как воздух у раскрытой печи. И зашипел:

— Ты дрожишь от страха передо мной. Ты шокирована моими словами. Поэтому я спрашиваю ещё раз. Кто ты такая? И что здесь делаешь?

Мия осознала, что своим вопросом сдала себя. Скорее всего, люди, живущие с драконами бок о бок всю жизнь, знают о них всё — каждый миф, каждую легенду, каждое правило, — и её неведение выдало её с головой, как иностранца, который, не зная языка, случайно заговорил на родном. Как теперь выкручиваться, она не имела ни малейшего понятия. Страх подступал волнами, накрывая с головой, и в эти секунды она отчётливо поняла, что от следующего слова зависит, останется ли она в живых.

— Я… я… тебя… не… понимаю, — сглотнув ком в горле и сделав глубокий вдох, попыталась взять себя в руки и продолжила, и голос, дрожавший вначале, постепенно выровнялся, словно она нашла в себе точку опоры, где-то глубоко, под слоями ужаса: — Я же тебе… Вам рассказала, кто я и откуда.

— Ты соврала! Можешь не отпираться, — остановил, и Мия закрыла рот, так ничего и не сказав. Рональд отошёл от неё, и это отдаление принесло не облегчение, а новую тревогу, словно, отступив, он просто набирал расстояние для разбега. — Если бы ты была из Кондира, ты бы не задала этот вопрос. Если бы ты была из Кондира, ты бы знала, что всё, что я сказал, — ложь! В Кондире есть три королевства. Алмазных, рубиновых и сапфировых драконов, — чеканил он каждое слово, загибая пальцы, и каждое слово падало в тишину кабинета, как камень в стоячую воду, расходясь кругами всё дальше. — Всего в мире существует пять видов драконов. В драконов могут превращаться только те, в ком течёт кровь рода. При превращении мы выглядим так, как называемся. Я и отец — в золотого дракона. Де Виль — в серебряных и так далее. Мы можем превращаться и летать, как ты сказала. Ещё дышим пламенем, если потребуется, но только в облике дракона, и это всё. И ты должна об этом знать. Как и все люди, живущие тут с рождения. Все в мире знают, что существует несколько рас. Драконы, маги и обычные люди, не умеющие колдовать или превращаться в драконов. И все про всех всё знают. И каждый знает, что ребёнок от человека и дракона будет драконом. А ребёнок от мага и человека будет магом. Только связь мага и дракона запрещена. Вижу по глазам, что нужно пояснить, — усмехнулся, и эта усмешка была не злой, а скорее горькой, как улыбка человека, которому приходится объяснять то, что он считал очевидным, и от этого объяснения что-то важное ускользало, становясь сухим фактом. Продолжил: — Две силы не дают одарённого ребёнка, а просто сгорают. Ребёнок рождается обычным человеком. Так теряется сила. Людей становится больше, а магических людей меньше.

— А браки мага с магом или дракона с драконом?

— То же самое. Сила сгорит, ребёнок будет обычным, — усмехнулся, и в этой усмешке проступила усталость существа, которое с детства знает правила игры, где каждый ход ведёт к проигрышу, и давно перестало им удивляться.

— Но как же?.. — растерялась Мия, и перед глазами встала картина: угасающие рода, пустые троны, города, где магия тает, как снег под весенним солнцем, и некому остановить это таяние. — Ты… Вы… Ты и Люсия, единственные дети в семье. Ваши рода прервутся.

— Нет. Это делается, чтоб снять проклятье. После рождения общего ребёнка у каждого из нас появится человек для продолжения рода. Её дети вернутся в королевство серебряных драконов, мои будут со мной. Наш общий ребёнок останется со мной, — произнёс он ровно, без надрыва, как человек, который давно принял решение и не ждёт от него ни радости, ни печали, а лишь исполнения того, что должно исполниться.

Я ответил на все вопросы. Теперь вернёмся к тебе. Кто ты?

Рональд говорил уже более спокойно и присел в соседнее кресло, и эта перемена — от нависающего давления к обычной позе собеседника — была разительной, словно шторм сменился штилем, но Мия знала, что штиль обманчивее шторма, потому что в нём нет даже предсказуемости ветра.

— Надеюсь услышать честный ответ. Я был честен с тобой.

Мия молчала. За окном ветер стих, и мир за стеклом замер, будто тоже ждал. Птица, сидевшая на ветке ближайшего дерева, вспорхнула и улетела, и Мия проводила её взглядом — с завистью, потому что птица могла улететь, а она нет. Потом посмотрела на принца, на его лицо, которое в этот миг было спокойным и открытым, без той стены, которую она привыкла видеть, и решилась.

— Я из другого мира, — Мия после признания взглянула в глаза принца. Хотела понять, как он отреагирует. Слова повисли в воздухе, и секунда тишины, последовавшая за ними, растянулась так долго, что Мия успела почувствовать, как пол уходит из-под ног. Не увидев ничего, кроме интереса, — не ужаса, не презрения, не недоверия, а именно интереса, тёплого и внимательного, словно она сказала не «я из другого мира», а «я знаю ответ», — продолжила, и голос её окреп, обрёл опору, которой минуту назад ещё не было: — Я не знаю, как попала

сюда. Про родителей и дом я сказала правду. Не зная, что делать и где жить, я уснула в лесу на окраине города. А проснувшись, вышла из леса у вашего озера. В нашем мире нет магии и драконов. Есть просто люди. И сам мир сильно отличается. У нас есть электричество, вода течёт по трубам сразу в ванную. Её не надо приносить и уносить в ведре. Есть машины вместо повозок — они ездят без помощи животных. Так же самолёты летают по воздуху. Телефон и телевизор. Специальные устройства, передающие голос и изображение человека, который может находиться в тысячах километров от тебя. Если вкратце, то как-то так.

— Интересно… — Рональд задумался, и пальцы его, лежавшие на подлокотнике, медленно забарабанили по коже, отбивая ритм мысли, которую он пока не готов был озвучить. Глаза его смотрели куда-то сквозь Мию, словно она стала окном в другой мир, и за этим окном он видел то, чего она сама себе не могла представить.

А Мия ждала его вердикта, как смертного приговора, сидя неподвижно, сцепив пальцы на коленях так крепко, что суставы побелели, и чувствовала, как кровь стучит в висках, отсчитывая секунды, каждая из которых могла стать последней в её новой, ещё не начавшейся жизни.

ГЛАВА 8

Рональд.

Вернувшись в свои владения, Рональд был доволен собой — не той показной, звонкой радостью, которая льётся через край, а сдержанным удовлетворением человека, сделавшего хоть и не идеальный, но необходимый шаг. Пусть ему не удалось найти сильного мага — эта надежда рассыпалась, как сухой песок сквозь пальцы, оставляя на коже лишь лёгкое раздражение. Зато получилось договориться с Демианом де Виль. Брак с его дочерью должен положить конец проклятью.

Отец Рональда, Льюис, долгие годы пытался разрушить проклятье, но у него так и не получилось. Рональду было семь, когда их прокляли — он помнил тот день не как событие, а как ощущение: внезапный холод, сковавший воздух, и тишину, которая стала гуще, тяжелее, словно небо опустилось ниже и придавило город своей свинцовой тяжестью. Одиннадцать лет его отец пытался исправить положение. И вот уже десять лет сам Рональд бьётся над разгадкой, перебирая старые свитки, выслушивая сбивчивые рассказы магов и всматриваясь в каждый намёк судьбы, будто она могла подмигнуть ему и шепнуть разгадку.

Последний погибший маг перед походом к озеру оставил предсказание. Слова, выведенные дрожащей рукой на пожелтевшем пергаменте, пахли отчаянием и решимостью:

«Только молодая дева, в коей течёт кровь серебряных драконов, сможет разрушить проклятье. Однажды появившись в землях золотых драконов, вступит в бой с зуботварями. И с каждым прожитым днём в этих землях будет способствовать разрушению проклятья. Вновь подарит крылья золотому роду. И подарит роду Дон наследника…»

Послание было не дописано — чернила обрывались на полуслове, как крик, захлебнувшийся в горле. Маг торопился, но Рональд не мог понять: зачем он отдал свою жизнь, если знал, что не сможет снять проклятье? Его нашли на краю леса недалеко от озера. Зуботвари как раз глодали его конечности, и кости белели в предрассветной мгле, словно осколки чьих-то разбитых надежд. Как сказали другие маги, он умер от потери сил — отдал все свои силы и жизненную энергию, будто пытался выжечь проклятье изнутри, собственным пламенем. Только всё оказалось напрасно: монстры остались живы, а вода по-прежнему была отравлена, и в её тёмной глади отражалось не небо, а сама тьма. Так ради чего он рисковал своей жизнью? Увы, это останется загадкой на всю жизнь, тайной, похороненной вместе с магом в сырой земле.

И вот, вернувшись, Рональд сообщил отцу о скорой помолвке. В тронном зале, где тяжёлые гобелены приглушали звуки, а свет факелов ложился дрожащими пятнами на каменные плиты, слова прозвучали как приговор, который оба надеялись превратить в спасение.

— Ты думаешь, это поможет? — осведомился король, и в его голосе не было ни гнева, ни радости, только усталое ожидание человека, который слишком долго смотрел на небо, мечтая увидеть там крылья своего дракона.

— Я же показывал тебе пророчество! Это наш последний и единственный шанс! Там упоминается и про крылья. Я долго думал. Может, если наши семьи породнятся, мы будем связаны с их реликвией, и тогда сможем обращаться, — Рональд говорил быстро, почти жадно, словно боялся, что если замедлится, слова потеряют силу.

— Хотелось бы верить, что ты прав, — король Льюис тяжело вздохнул, и этот вздох был похож на шелест опавшей листвы, которую ветер гонит по пустым дворам. — Я уже стал забывать, как это — когда паришь в небе. Как ветер бьёт в грудь, а земля становится маленькой, далёкой точкой, теряющейся в дымке.

— Я был ребёнком, я вообще не помню это ощущение. Но знаешь, как только я вернулся, мой дракон пробудился. Я захожу в свою комнату, и он беснуется, рвётся наружу, царапает изнутри, будто хочет проломить рёбра и вырваться на свободу. Думаю, это уже начало работать, — в голосе Рональда звучала надежда, тонкая, как лезвие, способное разрезать сомнения.

— Я не чувствую ничего подобного, — возразил Льюис, и в этой фразе прозвучала старая, застарелая боль человека, который потерял часть себя и не знал, как её вернуть.

— Может, всё идёт постепенно? — предположил принц, стараясь вложить в слова столько уверенности, сколько мог.

— Будем надеяться, — произнёс король, и эти два слова повисли в воздухе, как молитва, которую шепчут в темноте, не зная, слышит ли кто-нибудь.

В день помолвки Рональд шёл с отцом встречать невесту. Солнце стояло высоко, и его лучи, пробиваясь сквозь витражные окна, рассыпались по коридорам цветными пятнами, похожими на осколки радуги. Его дракон снова встрепенулся, и до рецепторов стал доходить лёгкий аромат — аромат свежего летнего бриза, смешанный с ароматом полевых цветов, таких нежных и хрупких, что казалось, они не могут существовать в этом каменном дворце.

Рональд остановился и повернулся в сторону, откуда доносился этот удивительный запах. Провёл носом, в поисках источника, но не обнаружил его — запах витал в воздухе, растворялся в нём, дразнил и ускользал, как солнечный зайчик, который пытаешься поймать ладонью. Внутри всё вскипело, кровь бурлила в венах, дракон рвался в толпу, требуя: «Найди! Возьми! Удержи!» Шла внутренняя борьба: продолжить путь или ринуться в толпу, расталкивая всех, кто стоял на пути. Все инстинкты кричали бежать и искать источник, мозг пытался противостоять, но проигрывал в этой борьбе, уступая первобытному зову.

Вдруг раздался звук трубы, оповещая о прибытии гостей. Звук был резким, пронзительным, и он разорвал чары, в которые погрузился Рональд. Принц очнулся от транса и поспешил вслед за отцом, чувствуя, как сердце колотится в груди, а в голове шумит, будто там бушует шторм.

На протяжении всего бала Рональд чувствовал аромат, терзающий душу. Он кружил голову, будоражил кровь, заставлял пальцы сжиматься в кулаки, а взгляд метаться по залу в поисках того, кто мог бы источать этот запах. Пытался определить источник, но всё было тщетно — аромат то сгущался, то рассеивался, играя с ним, как кошка с мышью. И только вечером, оказавшись в своих покоях, он понял, что так цепляло его в комнате. Все эти дни принц чувствовал этот же аромат, но запах был едва уловимым, призрачным, как воспоминание о сне, которое тает с рассветом. Именно поэтому его улавливал только дракон — тонкое чутьё, обострившееся от долгого сна. А из-за невозможности обращаться они не были до конца единым целым и плохо понимали друг друга, словно два существа, говорящие на разных языках и пытающиеся угадать смысл слов по интонации.

Утро началось рано. Туман стелился по двору, цепляясь за камни, и растворялся в первых лучах солнца, как остатки дурного сна. Рональд поговорил с отцом о поездке на озеро с Люсией.

— Это опасно! Ты что, с ума сошёл?! — возмущался король, и голос его гремел под сводами, отражаясь от стен и возвращаясь к нему многократно усиленным эхом.

— Нет. В предсказании говорится, что дева вступит в бой при появлении в наших землях. Люсия приехала. Поэтому надо действовать, — Рональд стоял прямо, не отводя взгляда, и в его глазах горела решимость, которую невозможно было погасить упрёками.

— А если она погибнет? Что тогда? — король сел в кресло и потёр переносицу, и этот жест выдал его усталость, накопившуюся за долгие годы тревог и бессонных ночей. — Мы и так прокляты из-за их семьи. Я не хочу навлечь на нас ещё больше бед, чем есть сейчас.

— Она всё равно должна вступить с ними в бой, и там не написано, что она при этом уже моя супруга! — повышал тон принц от избытка чувств, и голос его звенел, как натянутая струна, готовая порваться. — Можно подумать, если она погибнет в статусе моей жены, это как-то изменит положение вещей. — Рональд опустился в соседнее кресло и глубоко вздохнул, пытаясь унять бурю внутри. — Всё, чего я хочу, — это положить конец проклятью и холодной войне наших семей. Думаешь, я не знаю, что король Демиан де Виль считает тебя виновным в смерти своего брата? — произнёс, глядя в глаза отцу, и в этом взгляде не было упрёка, только горькое понимание того, как тесно переплелись судьбы и как трудно распутать этот узел.

— Может, и считает, но я не делал этого. Моя вина не доказана. А убив его единственную дочь, мы точно подпишем себе смертный приговор, — тихо ответил Льюис, и в тишине, наступившей после этих слов, можно было услышать, как где-то далеко капает вода, отсчитывая секунды.

— Я понимаю. Думаю, де Виль нас и проклял из-за брата. И надеюсь, что проклятье падёт, если наши семьи объединятся, — сказал Рональд, и в этих словах прозвучала не только надежда, но и страх — страх, что даже объединение не сможет исцелить старые раны.

— Дай святой дракон, дай, — тяжело выдохнул Льюис, и эта короткая молитва повисла в воздухе, лёгкая и хрупкая, как мыльный пузырь, который вот-вот лопнет.

После разговора с отцом Рональд направился к Люсии, чтобы поговорить о поездке на озеро. Проходя по коридору, уловил знакомый, сводящий с ума аромат, и остановился. Запах был повсюду, он проникал в лёгкие, обволакивал сознание, лишал воли. Принц заглянул в первую комнату — это были покои его покойной матери, они пустовали уже более двадцати лет. Там было пусто, пыль лежала ровным слоем на мебели, а воздух был неподвижным, мёртвым, но запах был, тонкий, едва уловимый, как след, который не стирается годами.

Следующая комната — несостоявшейся второй жены короля, пустует девятнадцать лет. Отец не даёт её трогать в память о любви, и комната застыла во времени, как фотография, на которой никто не двигается. И там никого не было, а аромат был. Третья комната предназначалась будущей жене Рональда. Её подготовили через неделю после его рождения, и все эти годы она ждала своего часа, храня тишину и прохладу. И в ней не было ни души, а запах был всё тот же — тот самый, сводящий с ума.

Следующая дверь вела в его собственную комнату. Распахнув её, в нос ударил сильный аромат летнего бриза и полевых цветов — он был таким густым, таким настоящим, что казалось, будто за окном не каменные стены дворца, а бескрайние луга, залитые солнцем. Взгляд цепляется за девушку, стоящую в центре комнаты. Она замерла, будто тоже почувствовала, как воздух между ними наэлектризовался, стал плотным, почти осязаемым.

Не успев подумать, Рональд преодолел расстояние до неё и припечатал к стене. Движение было резким, почти грубым, но в нём не было ненависти — только первобытная потребность удержать, не дать исчезнуть, не дать раствориться в воздухе, как растворился её запах.

— Вот я и нашёл тебя, — прорычал он, и голос прозвучал хрипло, будто из него вынули все мягкие звуки, оставив только острые края.

Он не сводил с неё взора, изучал каждую чёрточку, каждую тень на лице, пытаясь понять, как она могла так незаметно проникнуть в его мир и стать его центром. Запах был бесподобным, кружил голову и сводил с ума. Внутренний дракон ожил в полной мере и требовал овладеть девушкой, забрать себе, спрятать и никому не отдавать. Притяжение было столь сильным, что ему было тяжело противостоять. Хотелось прильнуть к губам, попробовать на вкус, убедиться, что она настоящая, а не видение, сотканное из его желаний. Весь мир и проблемы перестали существовать. Вся жизнь сосредоточилась в одной девушке. Казалось, если она исчезнет, Рональд тут же умрёт, потому что она стала его воздухом, смыслом и жизнью.

— У вас будут какие-то пожелания? Вам что-то принести? — первой нарушила молчание девушка, и её голос прозвучал тихо, но твёрдо, пробиваясь сквозь бурю, бушевавшую в его сознании. Взгляд её был испуганным, но в нём не было ненависти, только растерянность человека, который не понимает, что происходит, но старается держаться достойно.

— Мне… нет… ничего не нужно, — Рональд словно очнулся, отпустил её и отошёл на два шага назад, хоть далось ему это с большим трудом — каждое движение было борьбой с самим собой, с инстинктами, которые требовали обратного. — Я… мне… продолжай заниматься своими делами, а я займусь своими. Почему ты появилась именно сейчас? — Последнее предложение он произнёс еле слышно, почти шёпотом, и сам не был до конца уверен, задаёт ли он вопрос ей или судьбе, которая подбросила ему эту загадку в самый неподходящий момент. Он не до конца был уверен, его ли это судьба или нет, но знал одно: отпустить не сможет. Уже не сможет.

Он зашёл в кабинет, но дверь оставил открытой. Пока девушка наводила порядок, принц наблюдал за ней. Маленькая по сравнению с ним, она доходила, где-то до груди, и от этого контраста он ощущал себя огромным, неуклюжим, будто случайно забрёл в кукольный домик. Шоколадные волосы, собранные в простую косу, но выбившиеся пряди обрамляли лицо, придавая ему мягкость. Голубые, как два сапфира, глаза, в которых отражался свет, и казалось, что внутри них горит крошечное пламя. Маленький носик, едва заметные веснушки, стройная миниатюрная фигурка, двигавшаяся с той особой грацией, которая бывает у людей, привыкших к тяжёлой работе, но сохранивших лёгкость. Белая и очень нежная кожа, на которой, казалось, можно было разглядеть каждую тонкую венку. На пальцах до сих пор ощущалось прикосновение к ней — горячее, живое, настоящее. Она словно кукла, ожившая для него, созданная из света и тени, из запахов и звуков, из всех тех мелочей, которые делают человека единственным и неповторимым.

Голова начала соображать, только когда девушка покинула комнату, и тишина, оставшаяся после неё, была не пустой, а наполненной её присутствием, как комната наполняется ароматом цветов, даже когда их уже нет.

«Святой дракон! Что же теперь делать? Как быть с Люсией? Она и раньше не особо привлекала меня, а сейчас и подавно. Надо разузнать всё об этой девушке и приложить максимум усилий, чтобы держать её к себе как можно ближе», — мысли метались в голове, сталкиваясь друг с другом, как волны во время шторма.

После этих мыслей Рональд вышел из комнаты и отправился искать ответы на свои вопросы. Хотел сделать её своей помощницей и поселить в комнату для будущей жены. Знал, что это неправильно, что отец будет недоволен, когда узнает, что он смешивает долг и желание, обязанности и чувства. Но дракон твердил обратное, и в этот раз Рональд решил прислушаться к нему. Он постарается убедить отца позже. Сейчас мечтал лишь об одном — приблизить её к себе, сделать так, чтобы она всегда была рядом, чтобы её запах, её голос, её присутствие стали частью его мира, без которой он больше не сможет дышать.

ГЛАВА 9

Мия.

До конца дня они больше не говорили. Каждый занимался своей работой. Ну или делали вид, что работали. По крайней мере, Мия только делала вид: пальцы привычно перебирали листы, перо скользило по бумаге, выводя ровные строчки, но смысл слов ускользал, растворяясь, где-то между строками, как дым в тёплом воздухе. Мысли её были далеки от работы — все они крутились вокруг разговора с принцем, цеплялись друг за друга, сплетались в тугой клубок и снова распадались. Что он будет делать с этой информацией? Что он надумает по этому поводу? И какова дальнейшая судьба Мии? Все эти вопросы не давали ей покоя, царапали изнутри, не позволяя сосредоточиться ни на чём другом.

Два последующих дня она прилагала нечеловеческие усилия, чтобы выбросить ненужные мысли из головы и выполнять свою работу. Рональд, кажется, тоже был занят чем-то другим. В первый день он много думал. Мия видела, как его взгляд устремлялся вдаль, туда, где за окном небо сливалось с горизонтом, а документы так и остались не разобраны, лежали стопками, будто застывшие в ожидании. На второй день он пропал с самого утра. Мия пришла в его покои и до обеда проработала там одна, слушая, как в тишине кабинета тикают часы, отсчитывая секунды, которые тянулись невыносимо долго. И лишь после обеда послышались шаги в коридоре и громкие голоса. Что-то произошло.

Мии было любопытно, что именно, и, на её удачу, дверь покоев открылась, и спор продолжился уже в гостиной. Сидя как мышка в кабинете, отложив документы и едва дыша, она прислушалась к разговору, стараясь не пропустить ни слова.

— Ты хочешь окончательно нас угробить? — орал король, и его голос гремел под сводами, отражаясь от стен и возвращаясь к нему многократно усиленным эхом, словно сам дворец возмущался происходящим.

— Я знаю, что я делаю, — ответил твёрдо принц, но в его голосе прозвучала не столько уверенность, сколько упрямое нежелание сдаваться.

— Да что ты говоришь! — с сарказмом отозвался король, и в этом сарказме слышалась горечь человека, который слишком долго нёс на плечах тяжесть ответственности. — И почему же в таком случае Демиан в бешенстве? Что там произошло? Он орал, что покинет наш дворец немедленно вместе с дочерью. А ещё сказал, что свадьба состоится, если ты будешь жить в их замке. Свою дочь он сюда не отпустит. Как тебе расклад? Ммм? — Король был в бешенстве, и это бешенство было не просто гневом — в нём слышался страх, отчаяние и усталость, накопившаяся за долгие годы.

— Да, я ошибся…

— Ошибся?! Ошибся?!!! — перешёл на крик Льюис, и этот крик был похож на раскат грома, разрывающий спокойное небо. — Ты не просто ошибся. Ты всё усугубил в разы!

— Нет, — твёрдо заверил Рональд. — Я именно ошибся. И теперь я думаю, что ошибся в самом начале. Пророчество не сбывается. Люсия боялась ехать. Я её еле уговорил. Объяснял, показывал предначертанное магом. Мы вышли из кареты. Стоило ей только увидеть этих монстров, она с визгом залезла обратно. Начала плакать, постепенно переходя на истерику, и просила поскорее уехать. Мы еле отбились с погонщиком. Если бы я знал, взял бы охрану. Она боится. Как Люсия может снять проклятье, если она не вступила с ними в схватку? Может, это предсказание ненастоящее?

— Я не знаю, — поник король, и вся его фигура словно уменьшилась, будто тяжесть мира наконец-то придавила его к земле. — Я так надеялся, что брак поможет и проклятье падёт. Неужели до самой смерти я ни разу больше так и не обращусь? Этот факт убивает меня ещё быстрее.

Наступила звенящая тишина — та самая, которая бывает после сильной грозы, когда воздух становится тяжёлым и неподвижным, а мир замирает, пытаясь осознать, что только что произошло. Спустя пару минут хлопнула дверь. Не успела Мия выдохнуть, как в кабинет вошёл Рональд.

— Прости, — подорвалась с места девушка и стала извиняться, её голос дрожал, а пальцы нервно теребили край рукава. — Прости, я работала тут и стала свидетелем вашего разговора.

— Не страшно, — отмахнулся он, и в этом жесте не было раздражения, только усталость, такая глубокая, что она казалась почти осязаемой. — Завтра и так весь замок будет гудеть об этом. — Он прошёл к диванчику рядом с Мией и сел, опустив плечи, словно сбросил с них невидимый груз. — Как же я устал, — запрокинув голову, прикрыл глаза руками, и на мгновение стал не принцем, не наследником проклятого рода, а просто измученным человеком, которому хотелось хоть на минуту забыть обо всём.

— Может, расскажешь? — тихо спросила Мия, стараясь говорить спокойно, хотя внутри всё дрожало от напряжения и желания хоть чем-то помочь. — Я знаю в общих чертах о проклятье, но хотелось бы знать подробности. Может, смогу чем-то помочь.

— Это вряд ли, — заговорил он, так и не открыв глаз, и голос его звучал глухо, будто доносился издалека. — Но рассказать могу. — Сделав глубокий вздох, потом выдох, он собрался с мыслями и начал рассказ. — Когда мне было семь, отец влюбился в одну маркизу. Её звали Юлиана Ростен. Я плохо её помню, но отец говорит, что она была нереально красива. Может, так казалось только ему. Да это и не важно. Моя мать к тому времени была мертва уже как два года. Они готовились к свадьбе, ведь любовь была взаимна. Беда в том, что маркизу любил ещё и Серж де Виль — брат короля серебряных. Узнав о свадьбе, он взбесился и всеми возможными способами пытался расстроить свадьбу. В итоге Серж выкрал Юлиану и нашу семейную реликвию в придачу. Без этой вещицы наш род не может обращаться в драконов. За ним в погоню бросились все: отец, стража, добровольцы из народа. В лесу за озером след оборвался. Их искали по всему миру, они как в воду канули. Король де Виль думает, что отец убил его брата, а девушка просто сбежала в соседние земли. Он сильно ругался и бросался проклятьями. На следующий день озеро окрасилось красным, словно кровь. Там же погибло десять голов скота, пришедших на водопой. Через несколько дней там появились зуботвари. Они пили из озера. Мы решили проверить, пустили буйвола. Он умер, как только коснулся воды. Они же продолжали там жить. Маг пытался убить их, но умер сам. Его заклятья возвращались к нему, будто отражались от щита. Хотел сжечь огнём, но и огонь отразился. Он сгорел в собственном пламени. Больше к озеру никто не ходит. Так издалека наблюдаем иногда. Те, кто подходил слишком близко, погибали. Воду стали покупать у серебряных. Вот и вся история. — За время всего рассказа Рональд так и не поменял позу, и в этой неподвижности чувствовалась не отрешённость, а скорее попытка удержать внутри ту бурю эмоций, которая грозила вырваться наружу.

— Есть что-то знакомое в твоём рассказе, — размышляла вслух Мия, нахмурившись и глядя куда-то в сторону, будто пыталась разглядеть в воздухе невидимые буквы, складывающиеся в забытые слова.

— Что именно? — убрав руку с глаз, принц повернул голову, чтобы видеть девушку, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на надежду — слабую, едва заметную, как первый луч солнца после долгой бури.

— Не знаю… точнее, не помню. Кажется, я слышала, что-то подобное, но очень давно и, может, не всё. История любви очень знакома. Если вспомню, то обязательно расскажу. А вот ваши так называемые зуботвари… — она запнулась, подбирая слова, и в этот момент её голос стал другим — в нём прозвучали нотки того мира, который она оставила позади.

— Что? — оживился принц и повернулся к Мии всем корпусом, будто каждое её слово могло стать ключом к разгадке, которую он искал годами.

— Ну, они очень похожи на гиен, — последнее слово она произнесла на русском, так как не смогла найти подходящего слова в языке этого мира, и оно прозвучало чуждо и странно в стенах дворца, словно осколок другого мира, случайно попавший сюда.

— Ги… что?

— Гиены. Животные из моего мира. Но наши не такие опасные, — пояснила Мия, и в её голосе прозвучала лёгкая улыбка — та, что появляется, когда вспоминаешь что-то простое и родное, что кажется таким далёким и недосягаемым.

Ночь Мия почти не спала. Пытаясь вспомнить, где же слышала эту историю, она ворочалась с боку на бок, натягивая одеяло то выше, то ниже, но сон не шёл. В комнате было тихо, только изредка, где-то за стеной скрипела половица, а за окном шелестел ветер, будто шептал ей какие-то забытые слова. Первые солнечные лучи проникали в окно, ложась на пол тонкими золотыми полосками, и Мия, полежав ещё немного, приняла решение вставать и приводить себя в порядок.

Принятие ванны и надевание платья отнимали слишком много времени. По утрам она часто вспоминала Землю. Там принять ванну, а лучше душ, можно за десять минут. Одеться тоже можно за пять–десять минут. Тут эти элементарные вещи занимают кучу времени. Пока принесут воду, нагреют. Платье с корсетом на завязках или маленьких пуговках — застегнуть или зашнуровать целое искусство. Без посторонней помощи в большинстве случаев не справиться. И каждый раз, когда служанки затягивали шнуровку, Мия чувствовала, как этот мир всё крепче стягивает её невидимыми путами, не давая забыть, что она здесь чужая.

Весь день она провела как в тумане. Не могла сосредоточиться, хотелось безумно спать или хотя бы выпить кофе, но, увы, в этом мире его не было. Воздух казался тяжёлым, а мысли — медленными, будто вязли в нём, как мухи в густом сиропе. Принц заметил её вялое состояние, и девушка заверила его, что просто не выспалась. Он кивнул, будто принимая её объяснение, но в его взгляде промелькнуло что-то ещё — понимание, сочувствие или просто усталость, которая объединяла их в этот день.

Кое-как дождавшись вечера, Мия уснула, как только голова коснулась подушки. Сон накрыл её мгновенно, словно тёмная волна, уносящая прочь от всех тревог и вопросов, которые не давали ей покоя. И в этом сне она снова шла по знакомым улицам, где пахло кофе и дождём, где небо было обычным, а не чужим, и где никто не ждал от неё ответов на вопросы, которые она не знала, как решить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.